

Гульжазира Хаирова

Синие облака

НОВЕЛЛЫ

АЛМАТЫ
«ЖИБЕК ЖОЛЫ»
2010

УДК
ББК
Х

Хаирова Г.

Х Синие облака: Новеллы. – Алматы: ИД «Жибек жолы»,
2010. – 116 с.

ISBN

Жизнь человека – словно многоцветная мозаика, каждый фрагмент которой важен. Собранные в книгу рассказы – о таких значимых моментах жизни.

УДК
ББК

ISBN

© Хаирова Г., 2010
© ИД «Жибек жолы», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Рука судьбы	4
Сказка из жизни	7
Жестокие игры	15
Сапфировый комплект.....	24
Синие облака.....	29
Случай в городском транспорте	33
Возрождение	35
Работа над ошибками	39
Путешествие в Арич	44
Нелюбимый	49
Розовый цветочек	60
Невыдуманная история	64
Рахилия	70
Бумеранг	79
Чисто женская история	87
Муганя	99
Подранок.....	104

Рука судьбы

В тот год стояло нетипичное для этих мест ласковое лето. Солнце было не обжигающее, дожди теплые, и потому детвора целые дни проводила на улице. Шел десятый послевоенный год, и несмотря на то что игрушек у детей практически не было, они умудрялись играть очень весело и дружно. Мальчишки вырезали себе из кусочков дерева пистолеты и автоматы; нацепив на проволоку старые колеса от велосипедов, колясок, а может, и телег, с диким восторгом катили перед собой и представляли, что едут на машине. И вряд ли потом когда-нибудь они испытывали такую бурю чувств.

Девочки вырезали из бумаги красивых куколок и моделировали им наряды или шили из кусочков старых тряпочек кукол с волосами из ниток, при этом у некоторых получались очень даже красивые куклы-принцессы с великолепными нарядами. Играть с ними они могли целыми днями – с раннего утра и до позднего вечера, обыгрывая всевозможные жизненные ситуации: ходили друг к другу в гости, играли кукольные свадьбы и, так же как мальчишки, были безмерно счастливы в своем виртуальном мире. Были у детей того времени и коллективные игры: догонялки, казаки-разбойники, кандалы, глухой телефон, лапта и другие.

Значительное место среди детских игр занимали полуспортивные игры, у девочек, в частности, классики. В тени одного из домов кусочком гашеной извести были нарисованы квадратики. Пять девочек из соседних домов, в возрасте от шести до десяти лет, прыгали по этим квад-

ратикам. Несмотря на трудное послевоенное время, тяга к красивой упорядоченной жизни была так велика, что каждая мать наряжала своих девочек, как только могла. Волосики девочек были аккуратно заплетены в косички, челочек тогда еще не носили, и поэтому коротенькие волосы со лба собирались гребешками, которые являлись одновременно и предметом украшения.

Аружан в игру не брали, ей не было еще пяти лет, но у нее, как и у старших девочек, было свое стеклышко – то ли это кусочек какой-то старинной вазочки, то ли осколок какой-то другой дорогой посуды. Оно было перламутровое и переливалось всеми цветами радуги, острые грани его уже давно стерлись, потому что Аружан нашла его еще в начале лета и, как талисман, носила всегда с собой. Время от времени брала это стеклышко в рот, отчего оно становилось еще более гладким и блестящим.

Все увлеченно следили за игрой. Старшая сестра Аружан, Анара, была в игре, потому что ей было уже почти семь лет. Вот кто-то из девочек во время игры наступил на границу классиков, а это было грубым нарушением. Все разом закричали, и в этот момент Аружан заглотнула стеклышко, которое держала во рту. Но то ли стеклышко было большое, то ли одновременно с глотательным движением был еще и крик, но стеклышко застряло в дыхательном пути девочки. Она стала задыхаться и синеть.

Тут до девочек дошло, что произошло что-то страшное, и они с криками о помощи побежали каждая к своей маме. Впереди всех бежала Анара с криком: «Аружан умирает!» Аружан осталась один на один лицом к лицу со смертельной опасностью.

И она не растерялась, резким движением выхватила из косичек гребешок, засунула его себе в рот и извлекла стеклышко. И только потом затряслись коленки и ручки, а слезы градом покатались из глаз.

Прошло много лет, но вопрос «Что это было?» остался открытым. Неужели этот маленький ребенок смог скон-

центрироваться, мгновенно проанализировать ситуацию, принять единственно правильное решение и в считанные секунды спасти свою жизнь? Или это была рука судьбы, которая руководила всеми ее действиями в этот ответственный момент, спасая ее для будущей счастливой жизни? А может быть, и то и другое, так как судьба человека – функция многофакторного уравнения, где наиболее значимыми параметрами являются его характер и воля...

Сказка из жизни

Гаухар лежит на теплом мелком песочке. Глаза ее чуть приоткрыты, и она видит детей, резвящихся на пляже, чаек, кружащих над водой, и волны, бьющиеся о берег и маленький причал. Как же она любит этот звук плещущейся воды! Голоса людей, крики птиц и шум прибоя слышны как будто откуда-то издалека. Солнце пока не в зените, значит, до обеда есть время и можно еще долго лежать на пляже в этом расплавленном состоянии. Что может быть лучше такого отдыха?

Но что это? Откуда здесь этот пронзительный звук, похожий на звонок будильника? Она что же, не на пляже, что ли?.. Как же не хочется возвращаться в реальность. Так это был сон? До лета и до отпуска еще ой как далеко. За покрытым причудливыми узорами окном завывает февральский ветер. Надо бежать в садик, на работу, в магазины, где всегда бесконечные очереди. Но ведь сегодня же, кажется, суббота. Чего же он звонит тогда, этот будильник? Ну что ж, все как всегда, опять на выходные забыли его выключить. А если сегодня суббота, то можно позволить себе еще минут тридцать-сорок поваляться. Подоткнув со всех сторон одеяло, она умудрилась еще с полчаса подремать. Проснулась она бодрая, полная сил и энергии. Видимо, именно этих тридцати минут и не хватало.

Дверь с шумом распахнулась, и между ней и Айдаром плюхнулись их сыночки. Утро в выходные дни у них всегда так начиналось. Какие у них ласковые сыночки! Старшему шесть лет, и, хотя он еще не ходит в школу, его любимое занятие – это читать книги. Ему не было еще пяти

лет, когда он выучил буквы по большому надувному мячику, на котором был нарисован алфавит с сопровождающими рисунками: возле А – арбуз; возле Б – барабан и т. д. И с тех пор он читает все подряд: все вывески на магазинах, все наклейки и этикетки на вещах. Пришлось специально для него выписать детский журнал «Мурзилка», и пусть он еще не все в нем понимает, но читает от корки до корки. Вот и сейчас он пристаёт к отцу с каким-то ребусом из журнала. А младший, ему всего два года, ластится к ней:

– Мама, хочешь я тебе стихотворение расскажу?

– Ну, конечно же, хочу.

Он тут же вскочил, руки по швам, и звонким голосом начал читать:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
«Улыб», – он «счастия» не ищет
И не от «счастия» бежит!

Младшенький почему-то вместо «увы» говорил «улыб». В этом месте сыночек заплакал. Гаухар с Айдаром испугались:

– Что такое? Что случилось? Почему ты плачешь?

– «Улыб» жалко, почему он «счастия» не ищет и не от «счастия» бежит?

От умиления на глаза ее навернулись слезы:

– Ах ты мой золотой, ах ты мое чудо, какой ты у нас умный и добрый. Не переживай, найдет Улыб свое счастье, все будет хорошо.

Тут уже и старший не выдержал:

– А хотите, я тоже расскажу вам стихотворение?

– А как же. Конечно, хотим, давай, сыночек, рассказывай, – сказал Айдар.

И он начал с выражением читать Стивенсона:

Из вереска напиток
Забыв давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.
В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Стихотворение было очень длинное, красивое, про верность, отвагу и честь. Это все Айдар: прививая сыновьям любовь к литературе и вообще к прекрасному, он часто читал им классиков. Но как только их золотой сыночек умудрился выучить такое длинное произведение и запомнить его! Поаплодировав и поцеловав детей, Гаухар побежала на кухню.

Пора завтрак готовить. Аташка, наверно, уже давно проснулся, слышно из-за стенки, как шелестят страницы газет. Это свекор Гаухар, мама Айдара умерла за год до их свадьбы. Поэтому аташка – член их семьи, и можно смело сказать, что главный член их семьи, и совсем не потому, что ему восьмой десяток, а потому, что его присутствие делает их дом каким-то значимым, весомым и уютным.

Вначале, как и положено, Гаухар называла его папой. Но после того как появились свои дети, которые называли его аташка, она и сама не заметила, как тоже стала его так звать. А потом даже Айдар стал называть его аташкой. В выходные дни он из тактичности долго не выходит из своей комнаты, чтобы дети и внуки из-за него не вставали рано.

Она сегодня чувствует себя не только выпавшейся, но и отдохнувшей, побывавшей в отпуске и полежавшей на берегу ее любимого озера Жасыбай. И это в середине-

то зимы! Все-таки сон – великая вещь, особенно если он такой приятный. Хорошее настроение еще и от того, что впереди целых два дня, которые можно посвятить своей семье. В эти дни можно и нужно побаловать семью вкусной едой. На обед надо будет манты сделать. Мясо, тыкву и курдючный жир Гаухар купила заранее, ради чего пришлось изрядно побегать по пустым магазинам. Но чего не сделаешь ради своей семьи.

В мыслях она строит планы на сегодняшний и завтрашний день, а руки уже делают свое привычное дело. Аташка очень любит на завтрак горячие оладушки (құймақ), и она с удовольствием их сегодня печет для него, представляя, с каким аппетитом он будет их кушать, макая в растопленное масло и при этом похваливая ее за то, что құймақ получились вкуснее, чем всегда. В небольшой кастрюльке уже варится рисовая кашка, в которую она порезала мелкими кусочками тыкву. Гаухар любит экспериментировать на кухне, иногда это бывает удачно, иногда не очень. Сегодня день удачный, от тыквы каша приобрела чуть золотистый цвет и сладковатый привкус...

...Не успели налепить манты, как в дверь кто-то позвонил коротким прерывистым звонком. В выходные дни приход кого-нибудь из многочисленных родственников был обычным явлением. Аташка пользовался большим авторитетом среди родни, к нему шли и старые, и молодые посоветоваться по какому-либо вопросу или просто повидать его, послушать его интересные рассказы. А говорить он мог долго и красиво. Слушая его, человек как бы становился сам участником тех событий. Люди, о которых он рассказывал, представлялись очень добрыми и мудрыми, простодушными и великодушными. Дети тоже всегда внимательно слушали, широко распахнув свои глазки. Многого они не понимали и вряд ли запомнят подробности. Но в одном Гаухар была уверена – это в том, что именно в такие моменты закладывается в их мозгах общее восприятие

мира, отношение к людям и многое другое, что могут дать только атаки и ажеки.

Звонок в дверь повторился, и дети, толкая друг друга, наперегонки побежали открывать. Конечно же, первым добежал старший. Младший сразу надулся, пришлось объяснять ему, что у старшего брата просто ноги длиннее, а чтобы быстрее вырасти, надо много-много кушать. Наконец-то они справились с двумя замками и цепочкой. В квартиру буквально ввалились клубы морозного воздуха, который был настолько плотным, что казался твердым веществом. В дверях появился человек, лица которого не было видно. Воротник черного полушубка поднят, шапка-ушанка нахлобучена на глаза, и весь он покрыт снегом и острыми иголочками инея. Сняв с себя верхнюю одежду, он вытряхнул ее за дверь. Это был Дархан – близкий родственник мужа. Было ему лет девятнадцать-двадцать. Энергия из него била ключом, лицо его сияло, на щеках горел здоровый румянец. Одарив детей шоколадками, пошел здороваться со старшими. Ата очень обрадовался его приходу и начал спрашивать о родителях, о дальних и близких родственниках, живущих в ауле:

– Ия, елден хабар бар ма? Қалай екен?

– Елде биыл былтырғыдай емес – қар көп, жол жоқ. Телефон арқылы ғана хабарласып тұрамыз.

– Қабдуали соғым сойып па еді? Қалай екен?

– Жабағы сойыпты. Үш елі шықты дейді.

– Дұрыс болған екен.

Когда ата слышал хорошие новости о родственниках, у него поднималось настроение, и он начинал мурлыкать себе под нос старинные казахские песни.

Ответив на все интересующие его вопросы, Дархан, учуя ароматные запахи, забежал на кухню:

– Чем это у вас так вкусно пахнет, уж не манты ли? Вам помочь? Что можно отнести в гостиную? Мальчики, давайте поможем маме.

Втроем они быстро помогли накрыть на стол, и через минут пятнадцать все уже сидели за столом. Манты получились очень сочными и вкусными. Даже сыночки, которых обычно трудно заставить покушать, с удовольствием поели. После мантов попили ароматный чай с восточными сладостями: халвой, курагой и изюмом. Ата очень любил, чтобы приходили гости, особенно если в доме что-нибудь вкусное приготовлено.

Мальчишки начали помогать убирать со стола. Взяв домбру, висевшую над диваном, аташка, медленно перебирая струны, тихим голосом запел какую-то мелодичную душевную песню. Когда Дархан в очередной раз вошел в гостиную комнату за посудой, ата начал подшучивать над гостем:

– Дархан, девушка-то у тебя есть? Тебе уже двадцать лет в этом году, через год-два можно уже и жениться. Раньше мальчигов в тринадцать лет женили.

– Нет, ата, пока нету. Не встретил я еще.

– Послушай, да у нас тут через стенку хорошая девушка живет, и симпатичная, и богатая, – это в разговор вступил Айдар, подмигнув жене.

– Точно-точно, отец ей особняк в хорошем районе города оставил, и еще трехкомнатная квартира у нее вся обставленная, кажется, даже машина есть, – добавила Гаухар.

– Да что вы такое говорите? А как же любовь? – возмутился и одновременно обиделся на них ата.

Видя, что отец все воспринял всерьез, Айдар сказал:

– Да ладно, папа, мы же шутим. Расскажи лучше, как ты на маме женился. Они же не знают твою историю любви.

– Да нет, я не стану рассказывать. Если хочешь, расскажи сам, – сказал ата и пошел в свою комнату.

Все удобно расселись, и Айдар начал свой рассказ.

– Как видите, аташка и сейчас не маленького роста, а в молодости был высокий (метр восемьдесят пять), с большими карими глазами и густыми черными волосами. К

тому же для того времени он был достаточно образован, у него было четыре класса Омской гимназии. Несмотря на свою молодость, он работал на руководящей должности в районе, и все девушки в округе были влюблены в него. А ажека тогда жила в другом ауле, родители ее были очень зажиточные, и ее сосватали еще в детстве за одного парня из богатой семьи. Впервые аташка увидел ажеку на каком-то празднике в районном центре. Он был поражен ее красотой – невысокого роста, очень хрупкая, нежная, белокожая, с двумя струящимися по спине длинными черными косами. Ее бархатистые глаза были обрамлены прямыми длинными ресницами. От этого глаза казались бездонными и очень стеснительными. Он никогда не видел таких красивых рук, такой узкой ладони, таких длинных пальцев. А она даже в девичьих снах и в самых заветных мечтах не представляла себе, что бывают такие красивые батыры. Несмотря на то что вокруг было много народу, они никого не видели кроме друг друга.

Потом было несколько тайных встреч: в деревне на виду у всех не разгуляешься. Ажека говорила о том, что ее могут насильно выдать замуж, но атака не верил, говорил:

– Не те времена сейчас, на дворе третий десяток двадцатого века, при советской власти не должно быть таких пережитков.

Но не тут-то было. Принципов, провозглашенных советской властью, придерживались в столицах, областных и районных центрах, а в глубинках люди жили по-старому. Однажды, когда по всей стране шла подготовка к очередному пленуму ЦК, атаке пришла весточка от ажеки, что через неделю ее насильно выдадут замуж.

Понятно, что засылать сватов и просить ее руки не имело смысла, вряд ли ответ был бы положительный. Во-первых, она из богатого рода, и во-вторых, уже давно засватана и, возможно даже, получен за нее калым. Рискуя жизнью, собрав парней из числа друзей и близких родственников, поскакал атака с друзьями на конях за любимой.

Ажекин жених, видимо, понаслышке знал, что в нее влюблен такой видный и крутой парень, и потому ожидал подобного поворота событий. Папе с друзьями пришлось выдержать настоящий бой. Потом, собрав силы, несостоявшийся жених приехал забрать свою невесту. Нужно было надежно спрятать вашу ажеку. Она была такая худенькая и стройненькая, что ее решили спрятать, завернув в кошму. Никто не заметил, что там кто-то есть. Не найдя ее, парни ни с чем вернулись в свою деревню. А атака с ажекой счастливо прожили долгую жизнь. Несмотря на то что сейчас ажеки уже нет, атака не женился больше и живет с нами...

Дети сидели и слушали открыв рот. Это ж надо же! Какие в жизни случаются необыкновенные вещи! Эта история была для них красивой сказкой, взятой из жизни: с красавицей и батыром, и с таким счастливым концом. Они смотрели теперь на своего аташку новыми глазами и представляли его скачущим на коне впереди всех навстречу своей судьбе, своей любви.

Жесткие игры

Зайра Абдрахмановна ехала на работу, мысленно внося коррективы в распорядок предстоящего рабочего дня. Дороги, как всегда в это время дня, были перегружены. Водитель Нуржан, зная, что у директора по понедельникам с утра совещание, нервничал больше, чем она сама. Будучи коренным жителем этого города, Нуржан хорошо знал все закоулки, поэтому успел вовремя нырнуть в нужный переулок. На работу приехали вовремя. Как всегда, первой встречает даже не вахтер, а уборщица, Мария Тимофеевна. Зайра Абдрахмановна уже привыкла к тому, что Мария Тимофеевна первая приходила на работу и последняя уходила. Она могла тщательно и по несколько раз вытирать, перемывать аудитории и коридоры. Дежурным сторожам приходилось насильно выпроваживать ее домой. До такой степени она была добросовестной, что это многих сотрудников даже раздражало. На их реплики у Марии Тимофеевны был свой лаконичный и достойный ответ: «У вас любимая работа, и у меня любимая работа».

Совещание проходило, как обычно, долго и бурно. Сотрудники были подобраны по критерию профессионализма, поэтому каждый из них горел на своей работе, и в целом коллектив был трудоспособный. На это ушло много нервов и несколько лет работы. Во время эмоционального выступления заместителя по учебной части Екатерины Алексеевны – женщины со своеобразным характером, но справедливой и знающей свою работу, зажужжал установленный на вибрацию сотовый телефон. Увидев незнакомый номер, Зайра Абдрахмановна не стала снимать трубку. совеща-

ние было в самом разгаре: согласно установленному расписанию, каждый руководитель подразделения должен был подвести итоги прошедшей недели и доложить о планах на предстоящую, и, естественно, возникали претензии руководителей друг к другу, которые ей нужно было разрешать на «берегу». Кто-то упорно пытался дозвониться. Ей уже самой было интересно: кто же это так настойчив? После следующего звонка, выйдя в коридор, Зайра Абдрахмановна ответила на звонок. Голос был женский, акцент не казахский и незнакомый.

– Зоя, это я – Ирина Крапивина.

– Какая Зоя? Какая Ирина? Ничего не понимаю.

– Мне нужна Зоя Ахметова.

Ахметова была девичьей фамилией Зайры Абдрахмановны. Да, лет сорок тому назад, когда она училась в школе, была такая манера у русских всех называть русскими именами. Сразу же и Ирина Крапивина всплыла в памяти, да, действительно, они учились в одном классе. Но видеть ее почему-то не хотелось, с ней были связаны уже давно забытые, неприятные воспоминания, но в то же время было любопытно: какая же она стала? А голос в трубке продолжал:

– Я тут в командировке на неделю, твой телефон узнала у Лили (на самом деле Ляйля) Муратовой. Давай встретимся.

– Ну, хорошо, приходи ко мне завтра на работу, пиши адрес: Ержанова, 37, в 15.00. Спросишь кабинет директора, тебя проведут.

Было слышно некоторое замешательство в голосе Ирины: видимо, она не знала, где и кем работает ее одноклассница...

...Остаток рабочего дня Зайра Абдрахмановна провела на «автопилоте» – нахлынули воспоминания давно минувших дней. Детство ее прошло в одном из небольших промышленных населенных пунктов Северного Казахстана. Это был очень аккуратный поселок с двумя кинотеатрами,

дворцом культуры, парками, стадионом, кафе и даже рестораном. Градообразующими предприятиями являлись две обогатительные фабрики и два добывающих руду карьера. Видимо, металлы, добываемые здесь, имели стратегическое значение для страны, потому что снабжение в магазинах поселка было «московское», а специалистов присылали из центральных технических вузов. Также в поселке располагались несколько воинских частей, имелся даже свой небольшой аэропорт. Вместе с грамотными инженерно-техническими работниками и офицерами сюда прибывали и их жены, в большинстве своем – врачи и педагоги высокой квалификации, поэтому в поселке были «сильные» школы и больницы. Наличие грамотной и культурной интеллигенции благоприятно влияло на все сферы жизни, люди умели хорошо работать и красиво отдыхать. Особенность маленьких городков – то, что здесь все знают друг друга и все про всех, и при этом по-хорошему соперничают и помогают друг другу. То есть нет безразличия и безразличных, потому что всё и все на виду и люди роднее друг другу.

Сразу же вспомнила своего отца, который оставил неизгладимый след в ее душе. Он был очень чуткий человек с тонкой натурой, именно он привил детям неистребимую тягу к знаниям, любовь к художественной литературе, умение красиво и со вкусом одеваться. На всю жизнь остались в памяти его слова, что главными в туалете любого человека являются опрятная обувь и аккуратная прическа. За состоянием обуви членов семьи следил он сам, и, несмотря на усталость, каждый вечер тщательно начищал все туфли и ботинки, чтобы утром все домочадцы могли выйти из дома в чистой обуви. Дочерям своим он говорил, что волосы девочек должны быть чистыми и красиво уложенными, а из причесок ему нравились длинные волосы ниже плеч и с чуть завитыми концами. Мама у Зайры Абдрахмановны, кроткая и мудрая женщина, во всем поддерживала мужа, и поэтому, когда девочки начали подрастать, сама

вставала пораньше и ставила кипятить термобигуди для своих девочек. Хорошие умные головы и умение безусловно выглядеть стали, бесспорно, залогом их уверенности и самодостаточности.

Зайра Абдрахмановна (в школьные годы ее называли Зоей) была лучшей ученицей в классе, хотя и не была зубрилой и круглой отличницей. События, воспоминания о которых нахлынули, происходили, когда она училась в шестом классе. В те годы иностранные языки начинали изучать в пятом классе. Когда она должна была идти в пятый класс, в их микрорайоне построили новую школу. Многих детей их микрорайона в силовом порядке перевели туда, и Зайру в том числе. В новой школе не было учителя английского, и поэтому всем преподавали только немецкий язык. Весь год она очень сильно скучала по своей старой школе, по своему классу, в котором, оказывается, изучали английский, к тому же ей тоже хотелось изучать именно этот язык. Поэтому после окончания пятого класса она изъявила желание вернуться в прежнюю школу и в свой же класс. Директор школы была не против взять обратно хорошую ученицу. Но как же быть с иностранным языком? Выход предложила преподаватель английского языка Татьяна Валерьевна. В этой школе в восьмом классе училась старшая сестра Зайры Шынар, она была гордостью школы, и никто не сомневался, что она будет медалисткой. Татьяна Валерьевна сказала, что можно вернуть Зайру в прежний класс при условии, что старшая сестра пройдет с ней программу пятого класса за один месяц. Шынар, гордая оказанным доверием, за один месяц так вымуштровала Зайру, что она стала лучшей и любимой ученицей Татьяны Валерьевны.

Татьяна Валерьевна, жена офицера из воинской части, была на редкость красивой женщиной, но почему-то с очень печальными глазами. Возможно, это были отголоски перенесенной душевной травмы, возможно, у нее были проблемы со здоровьем. Но тем не менее это не мешало ей

быть доброй и отзывчивой. Зайре в ней нравилось все: ее утонченные манеры, ее печальная красота, ее отношение к ученикам как к взрослым людям. Она смогла так привить навыки английского языка, что знаний, полученных в школе, хватило на то, чтобы позже Зайра легко сдавала зачеты и экзамены в институте. А при сдаче кандидатского минимума председатель комиссии даже особо отметил ее прекрасное произношение. И все это благодаря Татьяне Валерьевне. Однако, несмотря на это, предмет никак не давался некоторым ученикам, в числе которых была и Ирина Крапивина – дочь учителя русского языка и литературы в старших классах. Ее и остальных, не успевавших по этой дисциплине, сильно раздражало, что их обогнал человек, месяц назад не знавший даже букв, и что именно ее теперь ставят им в пример.

По характеру своему Ирина была несомненным лидером, но стать настоящим вожаком ей мешало отсутствие способностей к точным и гуманитарным дисциплинам. Почему-то в школе всегда именно это было очень важно. Зато на уроке физкультуры ей равных не было. Она быстрее всех бегала, дальше и выше всех прыгала. Ирине очень хотелось заявить о себе как о личности, и случай такой представился. На очередной контрольной работе по английскому языку больше половины класса получили неудовлетворительные оценки. Зайра же, как всегда, справилась с заданием на отлично. Получившим двойки было предложено подготовиться лучше и заново переписать контрольную работу. В классе начались какие-то закулисные игры, какие-то шушуканья. Руководителем и организатором всех этих интриг стала Ирина. Она усиленно насаждала одноклассникам мысль, что Татьяна Валерьевна несправедлива, что она завышает требования, много дает заданий на дом для самостоятельной работы, да и вообще иностранный язык – не такая уж и важная дисциплина, чтобы уделять ей столько времени. Вот тут-то ее лидерские качества и проявились. Даже те, кто так

не считал, под натиском ее убеждений стали сомневаться. Зайру до поры до времени в эти разговоры не вовлекали. Видя, что ей удалось повести за собой класс, и чтобы придать всему более яркую окраску, Ирина придумала Татьяне Валерьевне обидное прозвище. При этом сама Ирина мельтешила меньше всех, она просто смогла это все завести и, оставаясь в стороне, только вовремя подливала масло в огонь.

В день, когда должен был быть следующий урок английского языка, Зайре объявили, что класс решил бойкотировать занятия Татьяны Валерьевны. А именно: молчать и не отвечать на уроках английского. Зайра, конечно, понимала: что-то назревает, но никак не могла предположить, что все так далеко зашло. Она ответила им категорически – нет, пыталась обосновать свою точку зрения, заступиться за Татьяну Валерьевну. Но, видимо, Ирина организовала все это по всем правилам интриг, класс был настроен воинственно. А Зайра же не могла предать человека, который так к ней относился, поверил в нее.

Когда ничего не подозревающая Татьяна Валерьевна вошла в класс, неся в руках два плаката, все кроме Зайры сидели. То есть приветствовала одна она. Татьяна Валерьевна не заметила или сделала вид, что не заметила явных элементов саботажа, и попросила кого-то из ребят повесить плакаты. На помощь вышла Зайра. Не замечая всех остальных, Татьяна Валерьевна спрашивала, Зайра отвечала, и так они довели урок до конца. На следующий день Татьяна Валерьевна заболела, взяла больничный и не вышла на работу.

Весь гнев организаторов бойкота повернулся теперь на Зайру. Подруга, с которой они сидели за одной партой, струсилась и пересела на заднюю, свободную парту. Вокруг Зайры образовался вакуум. Для большей уверенности в себе и для того, чтобы черпать силы для противостояния, она с еще большей тщательностью продумывала свой внешний вид и с еще большим усилием готовилась к занятиям.

Эти навыки привились ей на всю жизнь. Потом, когда она уже повзрослела, в ответственные моменты для нее всегда было самым важным внешне безукоризненно выглядеть.

Никто не решался сказать Зайре что-либо прямо в лицо. Может быть, подсознательно чувствовали свою неправоту, а может быть, смущала непоколебимая уверенность ее в себе. Начиная со следующего дня перед каждым уроком кто-то переворачивал парту, за которой она сидела. Каждый раз, возвращаясь с перемены, ей приходилось ставить на место свою парту. Учителя, зная, что организатором всего этого является дочь их коллеги, на всякий случай упорно делали вид, что ничего не происходит. Ирина, как опытный интриган, всегда стояла в стороне, прямая, как натянутая струна, скрестив руки на груди. Мелкие пакости не заканчивались на переворачивании парты, придумали еще и пачкать ее, подкладывая кнопки и многое другое, о чем Зайра по истечении долгого времени успела позабыть. Никому она ни разу не пожаловалась, даже ее сестра ничего не заметила, хотя всегда смешливая Зайра вдруг стала серьезной и сосредоточенной. Бойкот продолжался неделю. Почему же никто из одноклассников так и не смог пересилить себя, свой страх и стать на ее сторону? Чем же Ирина так запугала их? Почему было не поговорить лицом к лицу, глаза в глаза? Уж не потому ли, что в этом случае победа была бы явно за Зайрой?

Где-то в глубине души Ирина понимала, насколько грязные и жестокие игры она затеяла, но желание властвовать было сильнее. Выдержать такой прессинг и не сломаться, не зареветь хотя бы, было бы тяжело даже взрослому человеку, не то что такой маленькой и хрупкой девочке. Чувство самодостаточности и достоинства помогли Зайре абстрагироваться от собственного «Я» и смотреть на ситуацию со стороны. Она контролировала свои действия, контролировала свои чувства и вела себя так, как, по ее мнению, должен был бы вести себя человек, попавший в такую передрягу. Только тогда можно было не расслабить-

ся и не дать волю эмоциям. ...Любой жизненный урок на пользу... Выдержав такое испытание, маленькая девочка Зайра закалилась, получила иммунитет. Чувство обиды было почему-то не на Ирину, а на тех, кого она считала подругами, за то, что они смалодушничают. Но и тех она простила быстро: не всем же быть сильными...

...Ирина пришла минут на десять раньше назначенного времени. Встретились они, как старые приятельницы, обнялись и поцеловались. Зайра ожидала увидеть холодную, властную брюнетку (какой она осталась в ее памяти), а увидела ухоженную, яркую блондинку с каким-то чистым, просветленным взглядом. Такой взгляд бывает только у людей, перенесших какое-то страдание и очистивших свою душу. Ирина стала преподавателем физкультуры в школе, вышла замуж за одного из одноклассников. Из ее рассказов Зайра узнала о тяжелой жизненной ситуации, которую она пережила. На одном из занятий по физкультуре, страхуя падающего с каната ученика, получила тяжелую травму позвоночника. Одиннадцать лет была парализована и прикована к постели, но, будучи грамотным специалистом в своей области, сама разработала комплекс упражнений и поставила себя на ноги. Она запатентовала этот комплекс упражнений и написала книгу с оптимистичным названием «Я люблю тебя, жизнь!». Услышав все это, Зайра испытала чувство гордости за своих земляков, за то, что на их земле рождаются и вырастают такие сильные духом люди. Много рассказала Ирина о судьбах одноклассников. Жизнь раскидала их по всему миру: некоторые из них сейчас живут в Израиле, Америке, Германии и даже Австралии, и все они очень тоскуют по поселку, где прошло их детство, где каждый получал свои первые жизненные уроки, учился различать добро и зло.

Так зачем же Ирина через сорок лет разыскала Зайру? Видимо, мучил ее в годы тяжелой болезни вопрос: кого она могла ненароком или специально обидеть? Наверное, было время понять, что и добро и зло возвращаются. Не

для того ли, чтобы, хоть и с запозданием, признать свое жестокое отношение к Зайре и высказать ей свое восхищение за стойкость? И она сказала:

– А знаешь, имя Зоя тебе больше подходит, ведь это же тридцать Я, высокая степень самодостаточности.

Хорошо, что она нашла в себе силы и дала им обоим возможность простить и быть прощенной. А Зайру та история из далекого детства научила быть выше склок и сплетен, отвечать только на открытые выпады, на все остальные ситуации смотреть как бы со стороны. Ведь жизнь – она мудрая штука, и все всегда поставит на свои места.

Санинформационный комплекс

Шли девяностые годы двадцатого столетия. Это были самые тяжелые годы для республик бывшего Советского Союза. Только что развалилась империя, которая казалась нерушимой, растоптаны, разрушены все идеалы. То, что вчера казалось святым, сегодня безжалостно высмеивалось по телевизору, газеты пестрили разоблачениями. Рвались экономические связи, наблюдался дефицит самых необходимых и жизненно важных товаров, перебои в подаче электричества, тепла, газа. Вчерашние незаменимые специалисты, высококвалифицированные кадры сегодня оказались никому не нужными. Мужчины спивались, женщины грубели. И если раньше главными ценностями были коммунистические идеи, государство и работа, то теперь вдруг стало ясно, что важнее семьи, родственников и друзей ничего нет. А тем временем жизнь шла своим чередом. У Жаната с Асией подрастали трое детей. Старший сын только поступил в университет, двое детей еще учились в школе, потому что поженились родители поздно – где-то к тридцати годам.

У друзей дети были постарше. Наступило то время, когда начались их свадьбы. А ведь совсем недавно они казались себе молодыми, а дети еще маленькими. Для Жаната и для его друзей известие, что сын Кайрата женится, в тот момент казалось чем-то нереальным, как бы игрой в сватовство и свадьбы. Сразу же на следующий день после известия Кайрат собрал друзей, чтобы поделиться радостью. В перерыве между бешбармаком и чаем вместо игры в преферанс провели бурное обсуждение – кто из друзей за

что отвечает и в какой момент предстоящих событий. От друзей на сватовство было решено делегировать Жаната, жены друзей берутся к чаю печь торт. Асии поручили организацию игр, конкурсов, танцев... Лучше нее никто с этим не справился бы – она в компании была самая заводная.

Асия очень ответственно подошла к порученному делу, нашла какие-то книжки по проведению развлекательных мероприятий, составила большой список необходимых атрибутов и количества и качества призов. Без конца перезванивалась с женой Кайрата, чтобы согласовать тот или иной момент. В мыслях своих Асия представляла себя этакой ведущей телевизионного шоу и поэтому стала переживать о том, что надеть и как выглядеть. Ох уж эти женщины, почему им это так важно? Казалось бы, какая разница, в чем ты, и кто на это посмотрит? После того как платье было заказано, стала страдать из-за того, что на переднем зубе появилось маленькое черное пятнышко. Значит, срочно нужно идти пломбировать. Жанат пытался ее отговорить: «Да не заметит никто твоего пятнышка, если не болит, не ходи пока». Зима в тот год была слякотная, и началась эпидемия гриппа. У Жаната было плохое предчувствие. Но разве можно стоять на пути женщины, которая уже представила, как великолепно она будет выглядеть в своем новом платье и без пятнышка на зубе. После небольших колебаний, предварительно записавшись на прием и несмотря на страх перед зубной болью, Асия пошла в стоматологическую клинику.

Врач, осуществлявший прием, был в повязке, и по всему чувствовалось, что он либо только что перенес грипп, либо находился в стадии заболевания. Зуб он запломбировал нормально, но умудрился занести инфекцию, которая по странному стечению обстоятельств поразила не зуб Асии, а позвоночник. На второй день после посещения стоматолога ничего не подозревающая Асия проснулась среди ночи от тупой боли в спине. Было трудно переворачиваться, остаток ночи пролежала неподвижно, при-

слушиваясь, как немеет спина. Опасаясь усиления боли, в страхе оцупывала себя и тут же пыталась успокоиться: продуло, наверное.

Утром, после того как помазала спину согревающей мазью, стало немного легче, и Асия пошла на работу. День прошел в борьбе с приступами усиливающейся боли, частота которых к вечеру стала нарастать. Она со страхом думала о предстоящей ночи. Наглотавшись обезболивающих таблеток, Асия заснула тяжелым сном. Под утро проснулась от приступа невероятно острой боли. Спина горела, было ощущение, как будто кто-то вонзил в спину железный кол и шевелит им, и шероховатости этого кола как когти раздирают ее позвоночник, поднимаются по нему выше и выше и, добравшись до мозгов, сжимают их так, что слезы брызнули из глаз. Она стиснула зубы, чтобы не разбудить криком мужа и детей. Только очень любящий человек может думать в такой момент не о себе. Приступ мучительной боли продолжал терзать ее тело, страшный стон вырвался из ее груди и разбудил мирно спящего рядом Жаната. Он побежал на кухню, принес воды, обезболивающие таблетки. Лекарства только чуть притупляли боль, которая время от времени нарастала, и в такие минуты казалось, что глаза вылезают из орбит, а разбухший мозг выдавливается из ушей. Испуганный Жанат гладил ее руки и плакал вместе с ней. Не знали тогда Асия и Жанат, что это только начало и впереди десять мучительных месяцев борьбы с коварным недугом, в которой они выйдут победителями...

А тем временем прошла свадьба старшего сына Кайрата. Все друзья принимали самое активное участие: одни отвечали за встречу и проводы гостей, другие – за особое внимание к сватам, третьи – за качество и контроль основных национальных блюд, четвертые – за спиртные напитки... Для всех это была прекрасная школа жизни, репетиция перед свадьбами своих детей. Развлекательную часть

свадьбы никто не решился брать на себя, так как равных Асие не было. Так что пришлось тамаде и его помощникам самим за все отвечать.

Долгое время Асия была прикована к постели. Каждый день этого периода был длиною в жизнь. Врачи делали все что могли: блокада позвоночника, самые сильные антибиотики, медсестры приходили каждый день. Внимание со стороны мужа, детей, друзей, подруг, конечно же, помогало, но все это на какой-то небольшой отрезок времени. А все остальное время Асия оставалась один на один со своей болью. Ни садиться, ни тем более стоять не могла, по квартире передвигалась только ползком. Безмерное отчаяние, казалось, навсегда поселилось в душе Асии. Жалко было себя, жалко мужа и сильнее всех жалко детей. Больше всего доставалось дочери. На ее хрупкие плечи свалилась вся работа по дому. Асие казалось, что она мешает всем. Она вдруг четко поняла: человек не может безгранично сопереживать. Никто не может чувствовать чужую боль, каждый приходит в эту жизнь один и уходит один. Все чаще и чаще приходила в голову мысль, что решить все проблемы можно, только тихо и незаметно уйдя из жизни. Почувствовав ее состояние и как бы прочитав ее мысли, Жанат, следуя чисто мужской логике, поставил возле нее бутылку хорошего коньяка, чтобы она в минуты неизбежной тоски могла выпить и забыться хоть на какое-то время. Но забыться не очень-то получалось, боль и тоска были сильнее. В одну из таких тяжелых минут пришла жена Кайрата, сидела возле нее долго, выпила вместе с ней, поплакали вдвоем. Она нашла для Асии такие слова, которые смогли пронять ее и глубиной смысла задеть ее душу. А смысл этих слов в общем-то прост: каждая болезнь или другая беда – это испытание, посланное на наши головы либо за прежние промахи, либо за будущую большую удачу. Чтобы, когда она наступит, эта удача, мы могли бы ее сполна почувствовать. Так что жди и дождись, Асия, большого, пере-

полняющего душу счастья. Все имеет свой конец, нужно только терпение.

Вовремя сказанные слова вселили в душу Асии надежду. Она вдруг поверила, что перелом наступил, пик уже позади, и впереди красивая, наполненная радостью жизнь. В моменты, когда волной накатывала боль, она представляла эту красивую жизнь, тем самым приближая ее наступление...

Болезнь Асии заставила Жаната оглянуться на прожитую жизнь. Он вдруг понял, что жизнь проходит, а он так ничего хорошего для своей любимой и не сделал, кроме того, что просто был рядом с ней, и осознал, как много она для него значит. Он вдруг увидел ее как бы со стороны, какой она была всегда неунывающей, искрящейся радостью, красивой и доброй, любящая и ласковая его Асия. Одна только мысль, что он может лишиться ее, пугала его до судорог. Что же, что он может реально сделать для нее? Чувства переполняли его сердце, и он, вытащив из тайника деньги, предназначавшиеся для крайнего случая, поехал в ювелирный магазин. Продавец была крайне удивлена: в это трудное для всех время люди уже перестали делать такие подарки. Жанат купил комплект: серьги и кольцо с сапфиром и бриллиантами...

Болезнь как пришла непонятно откуда, так и отступила непонятно куда и непонятно как. Может, она отступила перед красотой и энергией человеческих чувств: любви и дружбы. Может, она отступила перед силой духа Асии.

Друзья, увидевшие Асию после болезни, находили ее еще более красивой и помолодевшей. Так оно, наверное, и было, потому что красота – она внутри нас. А человек, перенесший такое испытание, проведя переоценку ценностей, светится изнутри.

Синие облака

Уезжать на несколько лет в другую страну и просто, и не просто. Для мужа это интересная работа, новое поле деятельности. А для нее это – оторваться от детей и маленьких внуков, друзей и родственников, привычного и налаженного образа жизни, бросить любимую работу, своих студентов и это пьянящее чувство востребованности и важности всего происходящего. Все, кто хорошо знал Гаухар, очень ее жалели:

– Да как же ты будешь сидеть дома и ничего не делать, ты же слишком активная для домохозяйки? Это ты сейчас говоришь, что устала и хочешь отдохнуть. А там ты взвоешь, когда останешься в изоляции и целыми днями будешь сидеть одна.

– Я так не думаю. Я наконец-то освою компьютер, займусь собой, буду много читать, изучать языки.

– Ну что ж, посмотрим...

Вот и настал этот день отъезда. Все почему-то суетились, бегали из комнаты в комнату, старались напомнить что-то очень важное, что могла бы забыть Гаухар. Сама же она решила еще раз обойти все комнаты, чтобы одним взглядом охватить те годы, которые прошли здесь, и пропустив через сердце все счастливые моменты, навсегда запечатлеть их там. Дверь в одну из комнат была закрыта изнутри.

– Кто там закрылся?

– Ажека, это я, Аида. Я не могу сейчас открыть. У меня секретное дело. Подождите меня немного.

Подошла Нурсулу – мама Аиды и жена их старшего сына:

– Мам, да это Аида что-то для вас делает, она даже меня выгнала, хочет, чтоб никто не видел, говорит, секрет. Уже минут тридцать там сидит.

– Если прошло минут тридцать, то уж наверняка заканчивает. Не трогайте ее, не надо мешать творческому процессу.

– Она так переживает, что вы далеко и надолго уезжаете. Вы же знаете, она всегда все очень близко к сердцу воспринимает. Сейчас пытается в какой-то поделке выразить свои мысли и переживания...

Аида вышла, когда уже начали загружать вещи в машину. Подарочек был тщательно упакован и уложен в канцелярскую папочку.

– Атака, ажека, это мой подарочек вам. Только вы сейчас не смотрите. Будете смотреть, когда вам будет грустно.

– Хорошо, хорошо, алтыным. Обязательно все сделаем так, как ты говоришь...

Пока летели в самолете, Гаухар думала об Аиде. Перед глазами мелькали картинки из жизни. Когда ей было три года, Гаухар, которой хотелось видеть во внучке свое продолжение, часто говорила ей, что она на нее очень похожа. Аиде же, видимо, не очень-то хотелось быть похожей на бабушку, ей бы больше хотелось быть похожей на молодую, высокую и стройную Динару. Однажды в гости к ним пришли подруги Нурсулу. Они стали ей говорить:

– Какая ты хорошенькая. На кого же ты похожа?

На что Аида ответила:

– Ажека думает, что на нее.

– Ну а ты сама как думаешь?

– Мне кажется, я на Динару похожа.

...Два года назад Гаухар с мужем отдыхали в Сары-Агаче и взяли с собой на отдых Аиду. Ей тогда еще не было и пяти лет, но вела она себя как взрослый и очень ответственный человек. Когда она по какой-либо причине не хотела кушать, атака придумал следующее:

– Хорошо, ты можешь не кушать. Но только по одной ложке съешь за тех людей, которых ты любишь.

В итоге она съедала все или почти все, потому что вспоминала всех близких и даже дальних родственников.

Аида тогда очень скучала по папе с мамой, по братьям и считала, что обязательно должна привезти им сувениры или подарочки, и для этого собирала деньги из тех, что давали ей атака с ажекой. Узнав об этом, атака сказал ей, что совсем не надо собирать, и они дадут ей столько, сколько надо. Аида с этим не согласилась, так как думала, что в этом случае подарок будет не от нее. А ей бы хотелось повезти им подарки именно от себя. И атака с ажекой искали любой удобный случай, чтобы дать ей деньги. В санатории все их знали и замечали именно благодаря Аиде, так она всех очаровала...

Полет прошел быстро, приземлились мягко, пассажиры аплодисментами поблагодарили летный состав.

На новом месте устроились хорошо. Страна с мягким субтропическим климатом, добрыми и теплыми людьми. Казалось бы, живи и радуйся. Вопрос занятости и самореализации решил сам собой. В этой стране сам воздух насыщен духом творчества. Здесь каждый второй либо художник, либо композитор, либо поэт или писатель. Гаухар занялась писательством. Это послужило стимулом, чтобы в срочном порядке освоить компьютер. Так была решена первая из задач, поставленных ею перед собой. Целыми днями просиживала Гаухар перед компьютером. Дети в внуки были на постоянной связи с ней через интернетовские программы. Но никакая работа и никакие программы не заменят пустоты от отсутствия живого общения. Периодически сердце Гаухар сжимала тоска по детям и внукам, по друзьям и родственникам. В один из таких моментов она вспомнила о подарке, который прямо перед отъездом вручила им Аида.

Когда Гаухар открыла поделку и увидела синие облака, плывущие по светлому небу, это вызвало у нее одновремен-

но и улыбку, и слезы. Аида смогла выразить свою грусть от их отъезда именно тем, что нарисовала не белые облака на голубом или синем небе, а именно синие на светлом небе. Надпись, сделанная на облаках: «атаке и ажеке» выглядела как бегущая строка, и это придавало эффект движения облакам. Это была очень яркая и насыщенная картина. На первом плане нарисован дом, на крыше дома труба, из трубы идет дым. Вот ведь интересно, девочка, выросшая в центре Алматы, где и когда могла видеть дом с трубой и дымом. В окне дома горит свет (закрашено желтым цветом) и виден цветок, стоящий на подоконнике. Возле дома высокое дерево, зеленая трава и цветы – колокольчики или тюльпаны. Около дерева стоит стройная и высокая девочка, вероятно, это она сама и есть. Над ней летает большое количество красивых, разноцветных бабочек.

Столько тепла исходило от этой картины, столько любви. Ведь это именно там, на их благославенной Родине небо такое бесконечное, облака такие пушистые, воздух от разнотравья такой ароматный. Гаухар показалось даже, что она чувствует этот запах, исходящий от земли. Бурю эмоций вызвала картина, нарисованная руками внучки, умеющей так тонко чувствовать, так нежно любить. Она как будто дала им мягко действующее лекарство от тоски. Недаром же, вручая свой подарок, она сказала: «Откроете, когда вам будет грустно».

Слугай в городском транспорте

Дина опаздывала с обеда на работу. Пока перебегала через дорогу, забрызгала пальто. Настроение казалось безвозвратно испорченным. Хорошо еще, что автобус подошел быстро, в салоне были свободные места, и Дина, удобно устроившись на сиденье у окна, закрыла глаза в надежде задремать. До работы ехать минут двадцать, при желании за это время можно даже выспаться – говорят же, что пятнадцать минут дневного сна по эффективности равны четырем часам ночного. Казалось, что у всех пассажиров в автобусе такое же настроение, как у Дины.

В передней части салона на сидении, которое лицом к пассажирам, сидел мужчина лет семидесяти пяти, ему явно очень хотелось с кем-нибудь поговорить, но не знал с кем. Близких по возрасту с ним не было, а приставать к детям не к лицу. Одет он был в выцветшее пальто, на шее потрепанный шарф, на голове тубетейка с казахским орнаментом. Было видно, что приехал в город из ближайшего аула в гости или к детям.

Кондуктор объявила очередную остановку, и в переднюю дверь автобуса вошел полный достоинства, хорошо одетый пожилой мужчина, в прошлом работавший, вероятно, на руководящих должностях. Сел он, недолго думая, возле того пассажира, который изнывал от желания поговорить. Но на сидящего даже не взглянул. Первого это явно задело, и он громко, на весь автобус, спросил:

– Сен қазақсың ба?¹

¹ Ты казах?

Не поддаваясь на провокацию, второй, делая вид, что не слышит, сидел с невозмутимым лицом. Первый еще два раза громко повторил свой вопрос. Делать нечего, пришлось отвечать.

– Ия, қазақпын?²

– Ал ендеше, қазақ болсаң неге амандаспайсың?³

Второй от наглости первого аж захлебнулся. Пассажиры в автобусе замерли. Всем было интересно, как он выйдет из этого щекотливого положения. Но настоящий казах, даже если он и всю жизнь прожил в городе, должен найти выход в словесной перепалке. И он задал встречный вопрос.

– Сен нешедесің?⁴

– Жетпіс бестемін?⁵

– Мен ендеше жетпіс сегіздемін, каждый сопьякпен амандасайын ба?⁶

Это было бесподобно. Ответ был достойный. Разве, что не было оваций. Это был настоящий мини-айтыс. Эта перепалка многим подняла настроение, все заулыбались. Выйдя из автобуса, Дина еще долго шла под впечатлением, и на душе было так светло и радостно.

² Да, я казах.

³ Если ты казах, почему не здороваешься?

⁴ Тебе сколько лет?

⁵ Мне семьдесят пять.

⁶ А мне семьдесят восемь, что буду здороваться с каждым сопьяком?

Возрождение

В последнее время Жамиля плохо себя чувствовала. Время от времени кружилась голова, ощущалась слабость в руках и ногах, а общий дискомфорт мешал адекватному восприятию окружающего мира. Она ничем не могла объяснить свое недомогание, да и некогда было всерьез задумываться над такими мелочами. Дети и дом, семья и работа – вот вокруг чего были все ее мысли. Спроси ее кто-нибудь, что именно у нее болит, она, наверное, не смогла бы ответить, потому что не прислушивалась к тому, что в ней происходит. По своему характеру она была очень ответственным человеком, и поэтому на первом месте для нее было исполнение своих прямых обязанностей. К тому же ей повезло в жизни: у нее были самые любимые и золотые дети, самый хороший муж и самая интересная работа. Ей доставляло огромное удовольствие баловать своих детей разными вкусностями. Могла, придя усталая с работы, лепить манты или жарить хворост, чтобы еще раз увидеть в глазах детей и мужа подтверждение тому, что она хорошая жена и мать. На работе тоже выкладывалась, хотела быть незаменимой.

И все было бы хорошо, если бы не это непонятно откуда взявшееся недомогание, которое продолжалось уже неделю. Оно мешало ей жить полной и налаженной жизнью. Периодически она как будто проваливалась куда-то, а когда приходила в себя, с еще большим раздражением на себя и еще большим рвением старалась держать прежний ритм жизни.

Работала Жамиля в исследовательском институте. Надо же было, чтобы именно в эти дни их лаборатории была выделена дополнительная комната в другом корпусе, и каждый сотрудник должен был как минимум перенести свои вещи. И все хором должны были переносить общелабораторное оборудование. Жамиля из последних сил носила свои папки с бумагами, химические реактивы и посуду, термометры, манометры, ареометры... Голова кружилась все сильнее, перед глазами плыло. В ее понимании на тот момент, если человек болеет, у него должна быть повышена температура или хотя бы должно болеть горло. Поэтому ей даже в голову не приходило сказать кому-нибудь, что ей плохо. Ни на работе, ни дома никто и не заметил странностей в ее поведении. Ночью вдруг поднялась температура, был сильный озноб. Она наглоталась разных таблеток и, засыпая тяжелым сном, думала только об одном: хоть бы до утра все прошло.

Ночью снились какие-то кошмары, неосознанный страх сжимал сердце. Проснувшись утром, сказала своим, что пойдет сегодня на прием к врачу, и сразу же почувствовала себя симулянткой. И чтобы хоть как-то оправдать то, что выпала из привычного ритма жизни, она приготовила вкусный завтрак, проводила мужа на работу, детей в школу, прибрала дома и только потом пошла к врачу. В поликлинике, как всегда, была длинная очередь, присесть было негде, и она полтора часа простояла у стены.

На ее счастье прием в этот день осуществляла очень опытный врач, которая вначале молча выслушала, как Жамиля, как бы стесняясь того, что без особого на то основания занимает ее драгоценное время, рассказывала о своих недомоганиях. Потом стала задавать наводящие вопросы, и по мере того, как Жамиля на них отвечала, в глазах врача стала появляться тревога. После тщательного осмотра она вдруг быстро куда-то вышла. Вернувшись через некоторое время, она сказала: «Так, моя дорогая, я вызвала скорую

помощь, тебе нельзя вставать, нельзя ходить. Нужна срочная операция, скорая повезет тебя в ближайшую больницу этого района. Ничего не бойся, все будет хорошо».

Первое, что хотелось Жамиле сказать, это: «Я не могу, мне надо домой, у меня дети, у меня работа». Да как же так, ведь она никого не предупредила, не приготовила детям запаса еды, не успела перегладить последнюю стирку, на работе никому ничего не сказала. Когда в дверях появились санитары с носилками, она сразу же сникла и молча стала подчиняться их указаниям.

Дальше все было как во сне: ее куда-то везли, потом несли, потом осматривали, потом опять несли. И только когда положили ее на холодный операционный стол и сказали, что сейчас будет введен наркоз, в голове вихрем пронеслась вся ее жизнь. Последней осознанной мыслью было: «А как же дети, как же они без нее?»

Когда очнулась, поняла, что кто-то настойчиво зовет ее по имени. Хотела пошевелиться, но сил совершенно не было, и тогда она заплакала, чем очень обрадовала врача-анестезиолога. «Ревет, значит, жива!» – сказал он и покатил на тележке в палату интенсивной терапии. Не успела ослабленная Жамиля задремать, как почувствовала, что кто-то гладит ее по голове, на щеку упала теплая капелька слезинки. Открывает глаза, над ней стоит соседка Людмила (она, оказывается, лежала в этом же отделении). Жамиля с Людмилой были ровесниками, у них были дети одного возраста, они обменивались рецептами, показывали друг другу новые покупки, иногда, в долгие зимние вечера, делились сокровенными секретами за чашкой чая. От нее-то Жамиля и узнала, что операция длилась три часа. Участие Людмилы очень растрогало Жамилю, и они даже поплакали вместе...

Наутро, на обходе, лечащий врач сообщила Жамиле, что ее оперировала сама Тамара Леонтьевна – заведующая отделением, очень опытный врач. Говорят, во время операции она очень ругалась, как можно было до такой сте-

пени быть безразличной к себе, как можно было почти две недели не идти к врачу, когда могла умереть каждую следующую минуту. И то, что этого не случилось, иначе как чудом назвать было нельзя.

А для Жамили это было как второе рождение, казалось, что она побывала в другом мире и вернулась назад. Было странное ощущение, что она стала другой, стала по-иному видеть мир. Несмотря на то что болели швы, не спадала температура, была общая слабость, появилось всеохватывающее чувство восторга и радости. Оказывается, небо – изумительно голубое, листья на деревьях – сочно зеленые, птицы за окном щебечут радостно, и вообще, все, что вокруг происходит, наполнено глубоким смыслом и содержанием.

Эти радостные открытия продолжались и после выписки из больницы. Какое великое счастье ощущать на себе ласковые лучи солнца, теплое дуновение ветерка, очищающее душу и все вокруг действие дождя. А самое большое открытие – до чего же красивы люди! Какие у них необыкновенные лица. Независимо от возраста, цвета кожи, разреза глаз, независимо от состояния души: усталые и обуреваемые страстями, веселые и печальные, любимые и любящие – изумительно красивы все. Одной только улыбкой дана им возможность освещать все вокруг, силой любви делать других счастливыми, силой ума и поступков влиять на все окружающее. И, наверное, стоило перенести все эти тяготы болезни, чтобы так остро и так ярко ощущать этот мир!

Работа над ошибками

Жанна проснулась с трудом. Эта мышьяная возня вокруг поездки студентов на стажировку в Германию извела ее в конец. С их факультета должен был поехать только один студент. Во сне она доказывала всем подряд, что вариантов тут быть не может. Какие могут быть варианты? Ведь это же она, закончив школу со знаком «Алтын белгі»¹, поступила на престижный по тем временам факультет самого лучшего в республике университета. Это она занимается наукой, начиная с первого курса, и уже получила определенные результаты. Это она участвует во всех научных конференциях и, несомненно, является гордостью факультета. Разве же можно сравнивать ее с Анарой? Несмотря на то что Анара тоже отличница и тоже занимается наукой, она все равно остается серой, невзрачной мышкой. Да она же и одеваться-то не умеет, не умеет держаться так, как Жанна.

Где-то в глубине души копошилась мысль, что что-то тут неправильно, что у нее завышена самооценка, на память приходили слова, которые любила говорить их классная руководительница: «Человек – это дробь, в числителе которого то, что он есть на самом деле, а в знаменателе – то, что он думает о себе, и чем больше знаменатель, тем меньше человек». Но тут же сама себе возражала, что эти слова совсем не про нее, она очень даже трезво и реально себя оценивает. Да, действительно, она – самый верный и лучший претендент на стажировку в Германию.

¹ Золотой знак.

Такая, абсолютно уверенная в себе, Жанна вошла в кабинет декана факультета. Вид у Ержана Аскаревича был усталый. Студенты шли к нему нескончаемым потоком. Кому-то нужно продлить сессию, потому что у него умерла его любимая бабушка. Другому нужно срочно ехать домой, потому что заболела мама. И так целый день, и каждый день, и восприимчивый Ержан Аскаревич должен был без конца выслушивать эти раздирающие душу истории и, по возможности, каждому из студентов помочь правильно разрешить ситуацию.

Но Жанне было совсем не до сантиментов, и она с полоборота начала доказывать декану, что только она является, несомненно, самой подходящей кандидатурой для отправки на стажировку. Ержан Аскаревич поднял на нее красные от усталости глаза и тихим спокойным голосом попросил ее сесть. Взяв со стола синюю перламутровую папку, не спеша открыл ее, зачитал фамилии десяти студентов, подавших заявления, и сказал, что каждый из них является достойным претендентом. Жанна слушала невнимательно, но из всех прочитанных фамилий резанула слух фамилия Армана.

С Арманом они познакомились еще на первом курсе. Он был самым видным парнем на факультете, с аристократической внешностью и хорошими манерами, с тонким чувством юмора. Без всяких на то усилий он всегда был в центре внимания, при этом, казалось, он не придавал никакого значения своей популярности, вел себя скромно, но с достоинством. Жанна приложила немало усилий, чтобы привлечь его внимание и постепенно их дружеские отношения стали переходить в другую плоскость. Их везде видели вместе, они вместе выполняли курсовые работы, бегали в кафе, кино и дискотеки. То есть это была обычная влюбленная пара, и они уже строили радужные планы на будущее.

Но как же так, зачем он тоже подал заявление на эту поездку? Выходит, они теперь соперники? В горле стоял ком,

сердце учащенно билось. Жанна не тот человек, который легко сдается. В ее хорошенькой головке стали разрабатываться каверзные планы: как убрать с пути соперников, в число которых входит и Арман. Впереди предстояла еще одна бессонная ночь...

С утра Жанна прямым ходом пошла в ректорат. Прием по личным вопросам у ректора в этот день с 17 до 18 часов. Записавшись у секретаря на прием, Жанна пошла на занятия. Но сегодня мозг ее ничего не воспринимал, в голове слова выстраивались в убедительные фразы, которые она собиралась сказать ректору.

Ровно в 17 часов Жанна сидела в приемной. Разговор оказался коротким, ее отшлифованные фразы совсем негодились. Ректор университета сухим официальным тоном сообщил, что приходить к нему на прием не было нужды, кандидатура, предложенная ученым советом факультета, им уже утверждена. Это оказался Арман. И тут ее понесло, в считанные секунды она вылила на голову оторопевшего ректора кучу надуманной «грязи» про Армана.

...Прошел еще один учебный год. В Германию так никто и не поехал. Студентам их факультета объявили: что-то неправильно было оформлено в договоре по обмену студентов. Многие догадывались об истинной причине...

За это время много что изменилось, изменилось отношение к ней однокурсников, Арман перевелся в другой университет и уехал из города. Жанне пришлось прилагать невероятные усилия, чтобы хоть как-то улучшить отношения с однокурсниками и преподавателями кафедр.

В большинстве своем люди все-таки не злопамятны, а Жанна, при желании, могла быть интересной и приятной в общении, особенно если ее интересы и интересы окружающих не пересекались. Учеба в университете подходила к своему логическому завершению, оставались преддипломная практика и защита дипломного проекта. Казалось бы, самое время напрячь все усилия, но не тут-то было: на-

чались студенческие свадьбы. В одной только их группе за последний год поженились три пары. А в ближайшую субботу замуж выходила та самая Анара за какого-то парня из медицинского института, и вся группа жила ожиданием предстоящей гулянки. Однокурники сочинили веселую песенку, множество реприз, девочки, которые занимались танцами, репетировали танцевальный номер. У Жанны было одно желание: поразить всех нарядом, и она тщательно продумывала свой внешний вид – прическу, аксессуары и т.д.

Для свадьбы был арендован лучший ресторан города, зал был красиво украшен. В последние годы родители изощрялись, кто как мог, некоторые приглашали режиссеров из ведущих театров, чтобы они продумывали все декорации и сам ход свадьбы, так что казахские свадьбы проходили как красивый и торжественный спектакль. Начало свадьбы, как это обычно бывает, немного затягивалось. Гости радостно приветствовали друг друга. Те, которые давно не виделись, захлеб обменивались последними новостями. Мужчины в дорогих рубашках и модных костюмах от Версаче, Валентино, Босс обсуждали политические и экономические новости. Совершенно не зависимо от принадлежности к определенному социальному уровню, дипломатия у казахов всегда была в крови. Говорят наши мужчины красиво, последовательно и аргументировано и при этом ни для кого не обидно, а, наоборот, умело восхваляя достоинства собеседника. Женщины в дорогих нарядах и богатых украшениях были одна ярче другой. Тамада настойчиво призывал гостей к распевке приветственной песни для новобрачных «Жар-жар». Ожидание необыкновенного праздника витало в воздухе.

Вот кто-то воскликнул «Қудалар келе жатыр!»², тут же появились две тетушки с подносами на руках и стали бросать в толпы гостей и сватов монеты и дорогие конфеты.

² Сваты приехали!

Дети и женщины кинулись собирать их с пола, в зале царил радостный ажиотаж. После сватов появились жених с невестой, другом и дружкой. Все пели «Жар-жар», тамада исполнил «Бет ашар» и открыл лицо невесты. Анара была трогательно хороша, это была не та «серая мышка», это была настоящая белая лебедь. А рядом, рядом шел самый настоящий принц из сказки. В голове у Жанны, обычно думающей на русском, мелькнула сверлящая мозг мысль на казахском: «Сұлулығында шек жоқ»³. И все, настроение было испорчено безвозвратно.

Почему не она, а какая-то Анара сегодня является виновницей такого великолепного торжества? Почему рядом с ней такой красавец? Что он в ней нашел? И где сейчас Арман? А может, и он нашел себе такую же Анару? Слезы наворачивались на глаза, и ком подкатывал к горлу. У рядом стоящих людей тоже были слезы на глазах, но то были слезы радости, вызванные трогательностью и торжественностью этого счастливого момента. Кто-то в этот момент вспоминал себя, а кто-то просто радовался за то, что есть в этой жизни такие бесконечные и незыблемые ценности, как любовь и счастье...

Находиться здесь дальше не было никаких сил, и Жанна тихо ушла. Никто из гостей и хозяев не заметил ее ухода. Опустошенная от нахлынувших бурных чувств и бесконечных вопросов, на которые не находила ответа, она шла по безлюдному бульвару. Казалось бы, все при ней: красота, ум, знания. Но нет какого-то удовлетворения, нет радости, нет умения радоваться ни своим, ни чужим радостям. И кто знает, сколько еще будет упущено счастливых возможностей, подаренных судьбой, но не распознанных ею, прежде чем она поймет, что проблема в ней самой. А когда поймет, да и поймет ли, то еще долго будет работать над совершенствованием себя...

³ Нет предела его красоте!

Путешествие в Ариз

(Путевые заметки)

Наш микроавтобус везет нас туда, где когда-то давно проживали на благодатной армянской земле кипчаки, которые являются одним из крупнейших и древних казахских племен.

Интересно устроен человек: у себя в городе, находясь в другом районе, радуешься любому из своего района, уехав в другой город – любому из своего города, оказавшись в другой стране – земляку из своей страны. А когда долго живешь в другой стране, чтобы проникнуться к ней и к ее жителям симпатией, ищешь то, что могло бы объединять тебя с ними.

Армяне – прекрасные, очень приветливые и доброжелательные люди. Но они стали еще ближе и понятнее, когда мы обнаружили, что в наших историях есть факты давней, уходящей в далекое прошлое дружбы между нашими народами, в наших языках – очень много общих слов. И это есть, оказывается, вполне конкретное объяснение.

...В нашей машине звучит казахская музыка, которая исключительным образом подходит к пейзажу за окном. По дороге в пункт назначения – местность, где жили когда-то кипчаки, с удивлением вглядываемся в до боли родную картину – широкую плодородную степь, на горизонте завершенную силуэтом гор, напоминающих седые вершины Алатау. Видимо, не зря в те давние времена именно в этих краях поселились наши далекие предки.

Селение, в котором жили кипчаки до его переименования в 1947 году, называлось Кпчх, а теперь – поселок

Арич. Расположен он на западе Армении в 110 километрах от Еревана на высоте 2018 метров над уровнем моря и окружен горными массивами, прилегающими к самой высокой точке Армении – горе Арагац (Алагёз), высота которой 4095 метров. По дороге в этот поселок, недалеко от села Рио Таза, мы увидели табличку у дороги, указывающую на название реки: р. Касах (Қазақ). Естественно, мы не могли не остановиться у реки с таким названием. Пока стояли и обсуждали этот факт, к нам подбежала собака, и мы невольно в один голос воскликнули:

– Это же таз-ит! Откуда она здесь?

Подошедший следом хозяин собаки подтвердил:

– Да-да, это таз.

– Но ведь это же казахская, степная порода, а «таз-ит» на казахском языке означает «лысая собака», потому что она гладкошерстная. Ее же ни с чем не перепутаешь: у нее же «талия» до двадцати сантиметров.

На это хозяин собаки ничего не мог сказать, только смущенно улыбался и приглашал нас к себе погостить, обещал зарезать барана. А мы радовались, как будто встретили еще одного земляка, но поблагодарив его, поехали дальше. Неужто и этот факт является отголоском того времени, и сохранилось даже название породы собаки?

Далее на нашем пути был поселок Алагёз, название которого, так же как «таза», очень напоминает близкие по смыслу казахские слова.

Наконец-то мы подъехали к поселку Арич, и первое, что увидели при въезде, – это табличка на здании с названием улицы – «ул. Назарбаева», которая начинается с развилки дороги, ведущей в райцентр, и продолжается до монастыря Хпчаванк, расположенного в центральной части поселка Арич.

В административном здании поселка нас ждал гюхапет (глава поселка) г-н Роланд Назарепетян, который оказался глубоко интеллигентным, обаятельным, преданным своему делу человеком. С большим увлечением рассказал

он нам о поселке Арич. И в подтверждение тому, что ранее он назывался Кпчак, показал нам документы тех лет: датированные 1940–1942 годами аттестаты об окончании средней школы № 2 села Кпчак Арктикского района, выданные Петросяну Б.Р. и Назарепетяну Т.Н., и военный билет Петросяна Р.И., в котором имеется запись о месте жительства – Армянская ССР, Арктикский район, с. Кпчак. По словам г-на Р. Назарепетяна, этот поселок славен тем, что в свое время он был одним из центров туризма, так как в нем расположен памятник истории религии и архитектуры VII–XIII веков монастырь Хпчачаванк (кипчакская обитель), названный по наименованию селения Кпчак.

После того как мы выслушали краткую историю поселка, мы наконец-то задали тот вопрос, который нас очень интересовал:

– Кто и когда принял решение по наименованию одной из центральных улиц именем Президента Республики Казахстан?

Гюхапет Р. Назарепетян, не задумываясь, дал нам исчерпывающий ответ:

– 21 мая 2005 года общим собранием жителей поселка было принято единогласное решение за № 48 о присвоении одной из центральных улиц имени Н.А. Назарбаева. Предложение с просьбой об этом и соответствующее историческое и научное обоснование было подано одним ученым-историком, а также земляком – армянским бизнесменом, ныне живущими в Казахстане.

Р. Назарепетян с увлечением рассказывал о главном богатстве земли – людях этого поселка, среди которых много выдающихся ученых, бизнесменов, политических деятелей. В настоящее время в поселке проживает 1528 человек. Из культурных учреждений имеется дом культуры, в составе которого – кинотеатр, библиотека и помещения для детских кружков. Также в поселке работают единственная на всю округу музыкальная школа, свой детский сад. Потом перешел на насущные проблемы, такие как ремонт

дороги, школы, детского сада, говорил о ремонте водопровода, который удалось осуществить благодаря усилиям правления поселкового Совета. При этом выразил благодарность дипломатам Посольства Казахстана в Армении за то, что по их инициативе был произведен ремонт детского сада на средства, собранные на благотворительном базаре, ежегодно проводимом Ассоциацией жен дипломатов.

Всегда приятно общаться с человеком, который «горит» на своей работе, высокий профессионал, живет этими проблемами и многое делает для их разрешения. В свою очередь, наши дипломаты сообщили о том, что Посольство изыщет возможность содействовать ремонту поселковой библиотеки, и в память о своих далеких предках, которые жили на этой земле, они собираются оформить в ней уголок об истории и культуре Казахстана.

После этой плодотворной и обстоятельной беседы нам была предложена экскурсия в монастырь Хпчаванк. Несмотря на некоторую запущенность территории, монастырь произвел огромное впечатление. Он состоит из трех частей, каждая из которых достраивалась к предыдущей, и датируются они V, VI и XIII веками. Вызывают удивление и восхищение древние сооружения и орнаменты, напоминающие архитектурный стиль ранних кочевников, а также оригинальные инженерные решения. Как поднимались эти каменные колонны на такую высоту? Как проводились работы по установке каменных куполов? Кто и как долго осуществлял эту тонкую резьбу по камню?

Нашим гидом оказался человек с высшим техническим образованием, который сам изучил все имеющиеся исторические материалы по монастырю и потому рассказывал очень подробно и со знанием дела. Он обратил наше внимание на каменные одноконсольные балки лестниц. Какими же надо быть умельцами, чтобы, не зная сопромата, грамотно и правильно рассчитать размеры конструкции и распределение нагрузок!

В возведении этого монастыря большое содействие оказали и кипчаки, проживавшие в этих краях. Гид передал нам копии выписок из надписей на стенах монастыря, из которых явствует, что кипчакские семьи делали значительные по тем временам пожертвования в пользу строительства монастыря. И как историческая память о поселении кипчаков, этот памятник истории религии и архитектуры до сих пор называется монастырь Хпчачаванк. В завершение экспедиции наш гид сообщил о передаваемом из поколения в поколение повествовании дедов (один из которых скончался всего года два назад) о пребывании здесь кипчаков, которые вместе с армянами бок о бок защищали эти земли от врагов.

На обратном пути ехали молча под впечатлением увиденного и услышанного. Пройдя по местам, где ступала нога наших далеких предков – кипчаков, подышав этим воздухом, мы как бы соприкоснулись со своей историей и отырыли для себя ее новые страницы...

Армения, Ширакский марз, 2009 г.

Нелюбимый

Весна ворвалась в жизнь Нурай стремительным потоком журчащих ручьев, ослепительным солнцем, веселым щебетом птиц и запахом свежести пока еще морозного воздуха. Еще совсем недавно угловатая, с остро торчащими коленками, всегда немного растрепанная из-за непослушных кудрявых волос, она вдруг непонятно когда и как превратилась в красавицу с плавными женственными движениями, гордой осанкой и лучистыми глазами. Она, быть может, сама и не поняла бы происшедших в ней изменений, если бы не растущее внимание со стороны противоположного пола. Все чаще и чаще ловила она на себе восхищенные взгляды. Это заставило ее попристальней разглядывать себя. «Странно, вроде бы все то же самое, то же лицо, те же глаза... Ах, Нурай, Нурай, не надо лукавить самой себе, ведь даже ты уже видишь, что свежа и хороша какой-то трогательной красотой, как еще не раскрывшийся подснежник!» В этом году она окончит школу и наконец-то поедет поступать в тот самый институт, в котором учится ее Нуржан. А пока она живет мыслями о скорой встрече, об их будущей счастливой жизни. Письма, полные нежности и признаний в любви, приходят от него почти каждый день.

Она влюбилась в него, когда ей было четырнадцать лет, во время летних школьных каникул. В тот год родители отправили ее к тете в соседний поселок. Тетя несколько лет прожила в Германии с мужем-офицером и потому очень отличалась от местных женщин своими изысканными манерами. Увидев у сестры хорошенькую Нурай, она реши-

ла, что просто обязана оказать свое положительное, на ее взгляд, влияние на воспитание девочки и потому попросила отпустить ее к ней на лето. Тетя учила Нурай секретам подбора одежды и аксессуаров по цветовой гамме и стилю, красиво завязывать бантики, носить в руках дамскую сумочку, а в кармане носовой платочек и многим другим на первый взгляд обычным, но в то же время очень важным вещам. Не заметить такую маленькую принцессу было ну просто невозможно. Однажды, когда Нурай шла в магазин через скверик, она заметила мальчика, который сидел на лавочке и явно делал вид, что читает книгу. Пройдя немного вперед, она с удивлением увидела, что тот же мальчик и в той же позе сидит уже на другой встречной лавочке. Нурай поняла, что для того чтобы обратить на себя ее внимание, он, после того как она пройдет, бежит за кустами и садится на следующую лавочку, мимо которой она должна будет пройти. И она стала каждый день в одно и то же время ходить в магазин через этот скверик. А потом по ночам долго не могла уснуть, думая о нем. Через несколько дней он решился-таки подойти и заговорить с ней.

– Я тебя каждый день здесь вижу. Ты не местная?

– Да, я на каникулы к тете приехала. А что ты читаешь?

– Это Артур Кларк «Город и звезды».

– Надо же, я тоже фантастику люблю.

– Зарубежную или советскую?

– Зарубежную больше люблю. Над «Двухсотлетним человеком» Айзека Азимова я даже плакала. Рэя Бредбери люблю. А из русских фантастов – братьев Стругацких.

– В первый раз встречаю девчонку, которая любит фантастику. Обычно же девчонки любят про любовь читать. Меня Нуржан зовут, а тебя как?

– Нурай. Ну это ты зря, девчонки разные бывают.

Они радовались, что у них похожие имена – ведь это так символично, как много у них общего. Любовь к фантастике их сразу же сблизила, они обменивались книгами, обсу-

дали их. А потом был роман в письмах, встречи украдкой от тети и родителей, когда он приезжал к ним в городок, наивные стихи, которые он посвящал ей, и ее слезы в подушку от того, что так долго приходится ждать, когда они подрастут. Но наконец-то все позади: выпускные экзамены сданы, впереди бал, вручение аттестата, и она поедет к нему и будет поступать в тот же институт, где учится он. И никто и ничто их теперь не разлучит. И даже если она не сможет поступить в институт, домой она не вернется, устроится работать и будет рядом с ним. Каким же счастливым и безоблачным представлялось будущее...

Выпускной вечер был удивительно трогательный. Учителя, которые еще только вчера были недоступны и неприступны, стали в тот вечер почти подругами и говорили им столько добрых слов, как будто их прорвало, и они хотели взять реванш за вынужденную дистанцированность. Одноклассники и одноклассницы были красивы как никогда. Красивее всех была в тот вечер Нурай. Она сшила в ателье костюм из бежевой тафты, которую привез папа специально для выпускного вечера еще в прошлом году, когда отдыхал в санатории. На ее ножках были остроносые, на тоненькой шпильке, с трогательными маленькими бантиками на боку, в тон костюму чехословацкие туфельки. Их тоже заранее привезла из Киева мамина подруга, при этом выстояв ради мамы длинную очередь. Конечно, не все тогда могли оценить ее изысканность, но даже те, кто был ну очень далек от этого, понимали, что она хороша. Возле Нурай весь вечер крутился ее одноклассник Сарсен. Она решила быть в тот вечер доброй и великодушной и не прогонять его от себя, как это делала обычно. Разве ж он виноват, что она ему нравится? Сарсен появился в их школе в девятом классе, потому что в их аульной школе не было выпускных классов, и, чтобы окончить школу, жил у какого-то дальнего родственника. Эти два года он глаз не сводил с Нурай, влюбился с первого взгляда. Сарсен прекрасно знал, что у Нурай есть парень, который старше ее

на два года и уже учится в институте, и что она собирается поступать в тот же институт, чтобы быть рядом с ним. И при этом все равно преданно ходил за ней, готовый в любую минуту прийти на помощь. Ей вдруг стало нестерпимо жалко его, и она даже станцевала с ним несколько танцев. Во время танца она ощущала дрожь, которая пробивает его от ее прикосновений. В глубине души она понимала, что не надо было ей этого делать. Ведь он может воспринять ее минутную благосклонность как то, что она дает ему надежду.

После бала, разбившись на небольшие группки, пошли гулять по городу. Традиционно выпускники их школы в пять утра собирались на набережной встречать рассвет. Нурай с ближайшими своими подругами ходили по любимым с детства местам. Следом плелись несколько ребят, в числе которых и Сарсен. Воздух был напоен запахами недавно только раскрывшихся, еще не успевших покрыться пылью и потому атласных молодых листочков. Звонко стучали каблучки девочек, в такт учащенно стучали их сердца, начиналась новая жизнь.

Когда проходили мимо парка, Сарсен, который шел самым последним, окликнул Нурай. Она остановилась, пропустив всех вперед, чтобы узнать, чего он хочет. В этот момент кто-то невидимый, крепко схватив ее за руку, втолкнул в стоящую у обочины машину. Все произошло настолько быстро, что она даже не успела испугаться и закричать.

В машине кроме водителя было еще трое парней. Ни одного из них она раньше не видела. Нурай тщетно пыталась вырваться из крепких рук двоих парней, между которыми была зажата на заднем сидении.

– Кто вы такие? Что вам от меня надо? – кричала она.

Один из них стал закрывать ей рот руками. В голове мелькнула мысль: укусить, но помешала природная брезгливость. На ее крики и дергания никто не обращал внимания, даже припугнули:

– Будешь кричать и дергаться, в багажник засунем.

Какой странный запах в машине, запах кислого молока... Он же перебьет запах ее любимых духов «Быть может»! И как бы не запачкать свой костюм об их вонючую машину... А в багажнике, наверно, они баранов возили. Нет, туда она не хочет. Даже в этом стрессовом состоянии Нурай почувствовала, что парни как-то радостно возбуждены, как будто являются участниками какого-то романтического приключения. Чему это они радуются? Было ясно, что происходит что-то из ряда вон выходящее. И это в тот момент, когда она была так беспредельно счастлива! Но что же все это значит? Какое ко всему этому отношение имеет Сарсен? Почему он ее окликнул? Кто эти парни? И куда они ее везут?

Она продолжала кричать и вырываться, но все было бесполезно. Машина на большой скорости увозила ее в другую, чуждую ей жизнь. Следом ехала еще одна легковая машина.

Все происходящее потом было тогда как будто не с ней, как в дурном сне или в плохо отрежиссированном фильме с плохой резкостью и звуком. Мозг не хотел воспринимать это как реальность. За что? Почему? Убить что ли хотят? Но кто и зачем? И куда ее так долго везут? Ее привезли в какой-то аул. Несмотря на то что еще даже не светало, их явно ждали. Когда машина подъехала к крыльцу, навстречу вышли какие-то две толстые тетки. Одна из них стала бросать в ее сторону конфеты. Несколько карамелек попали Нурай по голове, на что она тут же среагировала:

– Ну чего кидаетесь? Больно же.

Не обращая внимания на ее реплику, вторая показала парням, в какую комнату следует завести девушку. Сил для сопротивления не было. Комната была странная: на стенах ковры, на полу ковры с какими-то лоскутными одеялами и подушками, и больше ничего. Дверь за ней закрыли на ключ. И тут с ней произошло что-то непонятное. То ли потому, что не спала эту ночь, то ли потому, что крича-

ла и плакала всю дорогу, но сработал предохранительный клапан, и она отключилась. Нурай, свернувшись калачиком, уснула в уголочке.

Это был не сон. Это было забытье, временный уход от реальности, чтобы дать организму справиться со стрессом. И только подсознание продолжало работать, чтобы понять создавшуюся ситуацию и дать этому определение. Когда же она очнулась, то поняла: она украдена, и виновник этому Сарсен.

Потом в комнату одна за другой шли старые и молодые женщины: мать Сарсена, тетки Сарсена, сестры Сарсена. Они объясняли ей, что у нее нет другого выхода, кроме как смириться, что она уже опозорена, что на ней теперь никто не женится, а Сарсен ее любит, пытались надеть ей на голову какой-то платок. Но Нурай все плакала и умоляла отпустить ее. И так каждый день и много дней, которым она потеряла уже счет. Она целыми днями лежала на этих лоскутных одеялах, и от долгого разглядывания узоров у нее уже в глазах рябило. Однажды она, воспользовавшись тем, что забыли закрыть дверь и рядом никого не оказалось, сделала было попытку сбежать. Но путь ей преградила старая женщина – Нурай не знала тогда, что это была бабушка Сарсена. Она не смогла ее оттолкнуть, потому что женщина упала на колени, обхватила ее ноги и громким голосом истерично заголосила. Потом эта старушка стала ее стражем, она целыми днями была рядом и уговаривала ее пожалеть хотя бы своих родителей, ведь они так долго в неведении. Стоит только Нурай дать согласие, как родственники Сарсена поедут к ее родителям на покаяние. Нурай сама не заметила, как постепенно перестала плакать, стала сначала отвечать на вопросы, а потом и разговаривать. Наконец воля ее была сломлена, и однажды она сдалась...

Потом была небольшая свадьба. Родителям Нурай через третьих лиц сообщили о том, что она жива и через какое-то время к ним приедут родственники Сарсена, чтобы со-

блюсти все условности. Для ее родителей это был тяжелый удар, не такой судьбы хотели они для своей любимой дочери. Но рады были они хотя бы тому, что Нурай жива. Сарсен, его родители и родственники торжествовали, они добились-таки своего и взяли в дом невестку, которую он полюбил.

Внутри Нурай что-то умерло, отныне она была живая и неживая одновременно. Льдинка в ее сердце не оттаивала. Шли дни, месяцы, годы. Они переехали в город, оба закончили заочно институты. Родились и росли дети. Сарсен делал все, чтобы ей было хорошо, чтобы она ни в чем не нуждалась и смогла наконец-то полюбить его. Он даже делил с ней часть работы по дому, что совершенно не было свойственно для мужчин-казахов того времени. Но в ее душе была незаживающая рана.

Со стороны казалось – вполне нормальная и даже дружная семья. Росли здоровые и красивые дети. Нурай привыкла к Сарсену, ценила его доброту. Но время от времени снился ей один и тот же сон, в котором они с Нуржаном вместе, у них общие интересы, полная глубоких чувств жизнь, и она безмерно счастлива. Оба такие молодые и красивые. После подобных снов на нее накатывала волна брезгливости от происходящего наяву. В такие дни ее раздражало в Сарсене все: как он ест, ходит, спит, дышит. Вот он ходит уже стареющий, седеющий, толстеющий, с появившимся животом. Когда ему вставляли зубы, он так неприятно перекачивал во рту еду с больной стороны на здоровую, а иногда и вовсе, как старик, жевал передними зубами. А если при этом он еще и умудрялся уронить что-нибудь или допустить другую оплошность, так ее всю передергивало. В последние годы он вдруг стал храпеть во сне и вообще беспокойно спать, не зная, наверное, как удобнее уложить свой растущий живот. Неприязнь к нему переносилась автоматически и на всю родню Сарсена, даже на ни в чем не повинных младших братьев, сестер и племянников. Просто так к ним его родственники приходиться не мог-

ли, только по приглашению и только на дни рождения или другие какие мероприятия. Когда однажды младший брат Сарсена вынужденно остановился у них на неделю, Нурай буквально по пятам ходила за ним. Ей казалось, что все он делает не так: ванную всю забрызгал водой, свет за собой не выключает, вещи разбрасывает, по ночам долго читает. Тоже мне, нашелся интеллеktуал! Где-то в глубине души она понимала, что не права, что становится сварливой и вредной и что ее дети могут перенять ее манеру поведения. Пугалась от мысли, что, возможно, ее внутреннее содержание может найти отражение в ее внешности. Но ничего не могла с собой поделать...

Незаметно выросли дети, закончили университеты, вышли замуж по любви, женились по любви. Жизнь шла своим чередом. Потом появились внуки. Нурай с Сарсеном еще работали, но по выходным с удовольствием возились с внуками. Хотя дети не особенно-то их и загружали. Времена другие, возможности другие: няни, домработницы. У Нурай появилось много свободного времени, и она стала уделять больше внимания себе, своему здоровью, своим нарядам, своему внешнему виду. Хорошее время, когда вы еще не старые, а дети уже выросли. Поколение еще не старых родителей проводит время в хождениях на юбилеи, дни рождения, свадьбы детей, а также различные события внуков, такие как первые шаги – «тусаукесер», первый класс, окончание школы и т. д.

Предстояла еще одна свадьба – собрался жениться сын их самого близкого друга. Невеста была из другого города, и родителям жениха надо было разместить сватов, их родственников и их друзей, которые прибудут на торжество. Сарсен с Нурай вызвались помочь и принять у себя двоих или троих сватов.

Свадьба проходила в одном из лучших ресторанов города с большим количеством приглашенных. Нурай пропустила момент, когда встречали новых сватов, потому что помогала хозяйке в организационных вопросах, но успела

к появлению молодоженов, на «беташар». Невеста была молода и хороша, как все невесты, жених тоже красив. Вообще в последние годы казахская молодежь стала необыкновенно красивой. Так много интересных, холеных и в то же время умных лиц. Хорошо, когда молодые люди сами находят друг друга и создают семью по обоюдному желанию. Для Нурай этот вопрос был и остался очень болезненным...

Торжество было в полном разгаре, когда к Нурай подошла ее подруга и попросила уделить внимание сватам и, в частности, столу друзей сватов. После очередного тоста Нурай с бокалом вина в руках подошла к указанному столу. Когда она начала говорить дежурные для такого случая фразы, сидящий напротив мужчина поднял на нее глаза. Взгляды их встретились. На секунду сердце ее замерло, а потом забилося как птица в клетке. Ком подкатил к горлу. Непонятно, как только она умудрилась устоять на ногах и продолжать что-то еще говорить. Это был он! Это был ее Нуржан! Он тоже узнал ее. Кровь ударила в голову. Щеки залил пунцовый румянец. Из глаз чуть не брызнули слезы. Она как во сне что-то говорила и обошла всех сидящих за этим столом. Ее смущения не заметил никто кроме Нуржана, который тоже немного растерялся от неожиданной встречи. Однако это был уже давно не тот скромный и стеснительный мальчик. Он постарался быстро взять себя в руки, и когда она дошла до него, он даже незаметно для других приобнял ее. Этот его смелый и дерзкий, с ее точки зрения, поступок окончательно выбил ее из колеи. Куда делись все эти годы, дети, внуки? Ее не покидало ощущение, что вот только теперь наступила реальность. А до этого был, может быть и не совсем дурной, но все-таки сон. Она ни о чем больше не могла думать, только о его руке на своей талии, как будто он так и не убрал ее, и она все еще ощущает ее тепло. И это тепло разливается по телу, заставляя ее сердце учащенно биться...

Нуржан, конечно же, помнил ее и их наивную, детскую любовь. Это было так давно. Рядом сидела его бдительная

жена. Как надоела она ему со своими капризами и бесконечными требованиями: то у нее где-то болит, то ей не то и не так подали. Вампир, да и только. Ну разве ж мог он устоять перед очарованием Нурай, такой красивой и совсем еще не старой женщины?

Несмотря на то что Нурай так долго мечтала об этой встрече, ей было очень трудно решиться на измену хоть и нелюбимому, но все-таки мужу. С одной стороны, раздирающая душу страсть и банальное желание отомстить мужу, и с другой стороны, моральные принципы восточного воспитания и жизненные устои, согласно которым она жила до этого.

Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Однажды он приехал в их город в командировку, и они встретились в гостинице... Но почему это не принесло ей ожидаемой радости и счастья? Все оказалось так обыденно и где-то даже пошло, как в плохом анекдоте... Вопреки ожиданию она чувствовала себя какой-то замаранной, непорядочной. А может быть, сама того не ведая, она успела полюбить Сарсена? И именно поэтому ей так нехорошо.

А Нуржан, как выяснилось, вообще не прочь гульнуть, и не только с Нурай. Сколько раз потом замечала она, как загораются его глазки при виде симпатичных женщин, иногда даже таких, которые ему в дочери годятся. Как он, несмотря на свои уже седые волосы, начинает заигрывать с ними и неадекватно вести себя. В такие минуты она понимала, что ее Сарсен более благороден в своих поступках и держится всегда более достойно. В ее воспоминаниях и мечтах был совсем другой Нуржан. Ее жизнь с Сарсеном прошла в развитии, в положительной динамике не только в плане карьеры и улучшения благосостояния, а также в постоянном интеллектуальном и духовном росте. Однажды она оказалась в квартире Нуржана и была поражена отсутствием уюта, множеством ненужных мещанских безделушек. Беспристрастные сравнения Нуржана тепереш-

него с Сарсеном были не в его пользу, и Нурай решила для себя, что надо дорожить тем, что имеешь...

Прошел еще один год. Жизнь шла своим чередом. Казалось, она забыла свою первую, детскую любовь и мимолетное взрослое увлечение и обрела наконец-то душевный покой и равновесие. Но однажды раздался телефонный звонок, который опять заставил ее сердце учащенно биться, а щеки залил пунцовым румянцем... Это был он. Нуржан.

Розовый цветочек

Лет десять назад Айнур бы не поверила, если бы кто-нибудь сказал ей, что так изменится ее мировосприятие, что на первом месте будет для нее не работа и карьера, а семья. Нет, нельзя сказать, что работа ей не нужна и она к ней безразлична. Нужна, конечно. Здесь она чувствует себя знающей, умной, деловой, умеющей четко излагать свои мысли на бумаге, а при необходимости и отстаивать свое мнение, невзирая на авторитеты. К тому же ведь работа для женщин – это еще и место, где можно показывать свои новые наряды, и где есть люди, которые могут это оценить. Ведь для того чтобы красиво и со вкусом одеваться, не только деньги надо иметь, но еще и мозги. А если ты к тому же еще имеешь стройную фигуру и красивое умное лицо, то это очень даже хорошо удается. Все это приносит массу положительных эмоций. Может быть, именно поэтому хватает у нее сил и на троих детей, и на мужа, и на работу. У них есть няня, которая выполняет и часть работы по дому и стала почти что членом их семьи. Но Айнур никогда не снимала с себя ответственности за все, что делается дома, и, самое главное, за своих детей. Изю дня в день одни и те же заботы и проблемы. С Айдыном надо позаниматься, уроки проверить, вникнуть в его детские проблемы и переживания, попытаться вселить в него уверенность. С Алиной стихи к утреннику или просто для развития поучить, выбрать заранее одежду для садика на следующий день. Именно этот вопрос – особая проблема, тем более если учесть, что любимый цвет Алины – это розовый. У нее розовый обучающий детский компьютер,

который привезли ей атака с ажекой, розовый фонарик с принцессами, розовая косметичка, сумочка. Одежду она тоже признает в основном розовую. Очень сложно бывает надеть на нее что-нибудь другого цвета. Это нужно обязательно согласовывать с ней заранее, иначе с утра можно будет опоздать на работу и в садик. А маленькая Айжаночка любит ластиться и постоянно требует к себе внимания.

Наступил такой период, когда им всем очень захотелось иметь в доме какое-нибудь живое существо: может быть, котенка, а может, собачку или, на худой конец, попугайчика. Больше всего об этом мечтали девочки, сыну-то некогда всерьез об этом думать: школа, занятия спортом. А девочки на улице часами могли бегать за какой-нибудь собачкой или котенком. Любимой игрушкой у Алины был маленький пушистый котенок, с которым она практически не расставалась. Как-то на отдыхе она потеряла своего котенка, так на ноги был поднят весь отель, и нашли. Однажды муж принес на один день красивого, как игрушка, японского императорского хина, которого он попросил у родственников, живших несколько лет в Японии. Что тут было! Ни кушать, ни спать никто не хотел. Все внимание этому щенку. Звали его Дар, дети сразу ласково стали называть его Дарик. Он был красоты необыкновенной, ласковый и добрый и позволял детям делать с ним все, что они хотят. Но его пришлось отдать назад, а детям пообещать, что он скоро опять к ним вернется. Когда однажды они гуляли по магазинам, Айжаночка увидела и стала просить игрушечную собачку, похожую на Дарика. Так и у Айжан появилась своя очень любимая игрушка. Теперь она, которая еще только начинает говорить, везде ходит с ним и приговаривает: «Дайк, кел, кел!» Айнур прекрасно понимала, что взять домой какое-нибудь животное – это большая ответственность, и потому не могла решиться на такой шаг.

А что, если попробовать посадить своими руками и вырастить цветочек? После работы, забрав Алиночку из са-

дика, заехала в магазин, чтобы купить семена, землю, компост, красивый горшочек. Алина сама выбрала семена, на пакетике с которыми были нарисованы мелкие розовые цветочки. Весь вечер они читали в Интернете, как правильно высаживать цветочки. Даже Алина с Айжан смирно сидели рядом, пока Айнур с Айдыном разбирались в тонкостях цветоводства. Папа тоже не остался в стороне и пытался давать свои ценные указания и советы. Они вдвоем объяснили деткам, что цветок и вообще все растения живые, и для того чтобы он вырос, надо за ним ухаживать, надо любить его. Растения, так же как и любые живые существа, чувствуют, когда их любят. Они отвечают людям на их добро и радуют своей красотой, и к тому же комнатные растения очищают воздух, рядом с ними хорошо дышится...

За цветком ухаживала в основном Алиночка. Несмотря на то что ей всего-то три с половиной годика, она оказалась очень ответственной. Она не просто поливала. Прежде чем поливать, она скрупулезно выясняла, сколько воды и когда можно наливать в горшочек. А не замерзнут ли семена, если вода будет холодной, если горшочек будет стоять на подоконнике, и много других вопросов. Это очень умиляло отца: какой у нее аналитический мозг и какой научный подход!

По несколько раз в день (в зависимости от того, с какой стороны солнце светит) переставляла Алина горшочек с одного окна на другое. Утром, проснувшись, сразу бежала к цветочку, чтобы проверить, не проклюнулись ли семена. И терпеливо продолжала ухаживать. Время от времени делала внушение своей маленькой сестренке Айжаночке и ее няне, чтобы они не трогали горшочек, пока Алина в садике.

В заботах и постоянном ожидании прошло дней десять. Но то ли не в благоприятные дни были высажены семена, то ли еще по какой другой причине, но они никак не могли прорасти. А Алиночка каждое утро в первую очередь

бежала к своему цветочку и ждала, ждала. Она так сильно переживала, что однажды даже со слезами на глазах спросила:

– Мама, а может, он заболел? Почему он не растет? Что надо делать? Может, его лечить надо.

– Ну что ты, маленькая моя, потерпи немного, и он обязательно вырастет.

И тут Айнур поняла, что дальше тянуть нельзя. Для дочери это будет крушением надежды, первым разочарованием. Вечером по дороге домой заехала в тот же самый магазин и купила такой же горшочек, но с растением, усыпанным маленькими красивыми розовыми цветочками. Ночью, когда все уже спали, пошла и поставила эти цветы вместо прежнего горшочка.

Утром, как всегда, Алина пошла проведать свой цветочек. Звонкий крик раздался из комнаты:

– Мамочка, папочка, мои цветочки выросли! Они такие красивые! Они розовые, как я хотела! Я их очень-очень люблю!

Все члены их дружной семьи и даже самая маленькая, вскочив с постелей, побежали на крик Алины. Как блестят ее глаза! Сколько счастья и радости в них! Но что это? Айдын, который до этого вроде не принимал особого участия и, казалось, был безразличен, тоже верит в это чудо. Эта красота никого не оставила равнодушным. И даже муж – этот умный и с виду суровый человек, радуется, как ребенок, тому, что цветок за одну ночь вырос до таких размеров и уже весь в цвету. Скорее всего они просто не задумываются о том, как и когда это могло произойти. Они просто ждали чуда и получили его. И разочаровывать их Айнур не будет и даже мужу (ведь и он так искренне радуется) не откроет эту свою маленькую тайну. А вот атаке с ажекой в Ереван она обязательно позвонит и расскажет, чтобы они порадовались за своих внуков...

Невыдуманная история

Бесконечно долго и без усталости может смотреть Индира на степной пейзаж. Прошло уже три часа, как поезд выехал из Караганды в Алматы, а она все не может оторвать взгляд от этой красоты за окном. Только над степью бывает такое бесконечно чистое голубое с белыми пушистыми облаками небо, которое ночью зажигается яркими, как нигде, большими звездами. А землю невозможно охватить взглядом. Ровная с небольшими холмами с сочно-зеленой травой и серебристым ковылем, она кажется перламутровой. Время от времени видны островки полевых цветов всех цветов радуги, от бледно-голубых и желтых до ярко-красных и темно-сиреневых. И все, что движется, ползает, бежит и летает, видно далеко-далеко. Разве можно такое увидеть в горах или в лесу, где все на тебя давит со всех сторон?! Без сомнения, там своя прелесть, но можно побыть среди той красоты две недели, максимум месяц, и душа будет тосковать по безмерной красоте степи.

Впервые Индира поняла это, когда приехала поступать в институт в Алматы. Вроде все ей понравилось в Алматы: и сам город, и эти пирамидальные тополя, и снежные вершины Коктобе, и Медео. В общем-то, хорошо ей там было. Но почему-то, когда увидела после той разлуки степь, слезы брызнули из глаз под углом сорок пять градусов. Оказывается, чтобы понять это, надо было уехать на время. И с тех пор, когда едет куда-нибудь на поезде или на машине, она безотрывно смотрит и любуется этим необыкновенным чудом – степью. Пейзаж этот удивительно успокаивающе действует на человека. В такие минуты понимаешь, какая

мелочь – все проблемы, которые вчера только казались большими и неразрешимыми.

Эта поездка в Алматы, – чисто деловая командировка, связанная с образовательными стандартами, – заодно была прекрасной возможностью повидаться с близкими и дальними родственниками. Хорошо, когда приятное совмещается с полезным. Несмотря на то что в Алматы много родственников, Индира останавливается обычно в гостинице, заранее бронируя места, чтобы не доставлять никому дополнительных хлопот. Вот и в этот раз, как всегда, световой день посвящается работе, а вечера – родственникам и друзьям.

Первый визит надо нанести старшему брату мужа – Ахмет-ага, так как он самый старший и самый уважаемый в роду, а не потому, что занимал очень высокую должность в правительстве. Его все искренне любят в семье за то, что и он сам, и его жена Майра-тате – очень душевные и очень мудрые люди. Редко кому поднявшемуся на высокую социальную ступень удается сохранить чисто человеческие, красивые отношения с родственниками и друзьями, и при этом не делить их на имущих и неимущих. Татешка с одинаковой теплотой принимала и принимает высокопоставленных, наделенных властью людей и приехавших из аула бедных родственников, людей старше себя и совсем молодых, еще ничего не достигших. Уважительное отношение к людям, независимо от ранга и возраста, – основная черта их характера. Это удел по-настоящему мудрых людей.

Как сейчас, помнит Индира: много лет назад, только что окончившая институт, приехала она в свою первую командировку. Когда пришла с визитом к Ахмет-ага и татешке, стол уже был накрыт в зале. Индира решила, что они ждут каких-то важных гостей, так как на столе было много деликатесов, несколько видов салатов, мясо для бешбармака было уже сварено, оставалось только отварить тесто. Каково же было ее удивление, когда узнала, что кроме нее никого не ждут, и все застолье посвящено только ей...

Первый командировочный день был очень насыщенный, успела сделать даже больше, чем планировала, а это значит, что и настроение приподнятое. С таким настроением самое время навещать родных, нести людям свою положительную энергию. Взяв традиционные подарки, Индира отправилась с первым визитом вежливости. Ахмет-ага и Майра-тате, как всегда в хорошем настроении, искренне обрадовались ей, тем более что незадолго до ее прихода приехал младший брат Ахмет-ага Кайсар. У казахов считается хорошей приметой, когда, не сговариваясь, приходят или приезжают сразу несколько гостей. Застолье получилось очень веселое: всегда интересно услышать из первых уст подробности и последние новости из жизни близких тебе людей. Кайсар-ага – человек с очень тонким чувством юмора, при всей своей начитанности и энциклопедических знаниях держится очень просто, любит и умеет по-доброму подшучивать. Об одной такой шутке и ее последствиях он и рассказал в этот раз.

Было это в 90-х годах прошлого столетия. Тот год был юбилейным для Кайсар-ага, и в очередной его приезд в Алматы Ахмет-ага подарил ему золотые часы. Довольный подарком, Кайсар-ага по дороге домой заехал к сестре Сание в районный центр. Они с семьей только недавно переехали из другого, более отдаленного района поближе к областному центру. Ее муж – Мукан-ага получил новое назначение. Они обрадовались приезду младшего брата, так как это был первый родственник, посетивший их на новом месте. Во время застолья Мукан-ага заметил золотые часы и спросил, откуда у него такие. Кайсар-ага решил пошутить и сказал:

– Да это к юбилею Дня Победы в военкомате вручили, всем офицерам запаса давали. А ты что же, не получил что ли?

Мукан-ага аж изменился в лице от досады. По натуре он был очень доверчивый, бесхитростный человек, и ему было неприятно сознавать, что по какому-то недоразуме-

нию он не получил то, что получили все офицеры запаса. Ему и в голову не пришло засомневаться в искренности слов Кайсар-ага. Немного подумав, он высказал предположение:

– А, ну все понятно. В военкомате по прежнему месту жительства решили, что мне подарок дадут на новом месте. А по новому месту жительства подумали, что мне вручили часы на прежнем месте. Получается, меня нигде не учли.

Мукан-ага, высказав свои домыслы, грустно вздохнул. Кайсар-ага был доволен, что сумел так удачно пошутить и раздосадовать своего жезде.

Прошло несколько месяцев. В очередной свой приезд к сестре Кайсар-ага был неприятно поражен тем, что обычно очень добрая и хлебосольная сестра встретила его без настроения. После положенных распросов о здоровье и житье-бытье Саня-тате сказала:

– Что же ты так поиздевался над своим жезде, опозорил его на всю округу?

Кайсар-ага опешил – он совсем забыл о той своей шутке. Когда выяснилось, в чем дело, он никак не мог понять: как же он мог его опозорить? Обняв за плечи сестру, Кайсар-ага примирительно сказал:

– Да ладно, я же просто пошутил. Он что, поверил, что всем раздавали золотые часы?

– Не только поверил, он ездил везде и добивался их.

Такого поворота дел Кайсар-ага никак не мог ожидать. Потушив первый всплеск эмоций, Саня-тате рассказала в подробностях о событиях тех дней.

В тот раз, после отъезда Кайсар-ага, Мукан-ага долго не мог успокоиться, что произошла, хоть и не по его вине, но такая досадная оплошность. На следующее утро, проснувшись пораньше, даже не позавтракав, ушел в гараж и провозился там до обеда. Подготовив свою старенькую «Ауди», после обеда выехал, чтобы восстановить справедливость, в военкомат по прежнему своему месту житель-

ства. В те трудные 90-е годы такие поступки было не так просто совершать. Были большие проблемы с бензином, тем более в начале лета. Да и расстояние до того района было порядка двухсот километров. Но Мукан-ага был полон решимости.

В свое время Мукан-ага занимал в этом районе высокую должность и был весьма уважаемым человеком. В военкомате он зашел к военкому, с которым был очень близок по прежней работе, и высказал свою обиду, что обошли его заслуженной наградой. Полковник был удивлен и сказал, что к ним не поступали никакие ценные подарки. В свою очередь выразил предположение: видимо, областной военкомат мог забыть об их отдаленном районе, и в срочном порядке стал туда звонить. В областном военкомате выразили недоумение, обещали выяснить в республиканском масштабе и попросили позвонить на следующий день. Но Мукан-ага не хотел уезжать, не выяснив до конца, поэтому попросил полковника позвонить самому в Алматы. Прошло некоторое время, пока узнали, кому звонить, нашли нужный телефон наградного отдела министерства обороны республики и дозвонились. Полковник по всей форме доложил, кто, откуда и по какому вопросу звонит. Мукан-ага наблюдал за выражением его лица. По мере того как отвечали на другом конце провода, лицо полковника краснело, пока не стало багровым, на лбу выступил пот. Без слов было понятно, что пришлось бедному полковнику услышать в резкой форме нелестные слова в свой адрес. Положив трубку, он сказал:

– Да, Маке, я всегда уважал вас, потому и поверил вам. Но так меня еще никто не подставлял: меня сильно обругали и предложили уйти в отставку.

Полковник опустил голову и отвернулся. Обычно очень предупредительный и вежливый, он не пошел даже проводить его. У Мукан-ага сильно разболелась голова, видно, поднялось давление. Приехав домой, ни с кем не стал разговаривать, не стал кушать, так как пропал аппетит.

Сания-тате все поняла без слов. До боли было жалко мужа за то, что он попал в такую щекотливую ситуацию по своему простодушию и доверчивости. Но именно поэтому-то и не мог он долго обижаться. Прошло несколько дней, и данная история не казалась уже такой мрачной. А через месяц он уже сам посмеивался над собой...

Выслушав это все от сестры, Кайсар-ага сказал:

– Не переживай, сестра, сейчас придет жезде, и я исправлю ситуацию. Раз уж пришлось ему из-за этих часов столько перенести – я подарю их ему.

Так он решил сделать.

Рахилия

Рахилия ехала на работу в своем праворульном «Фольксвагене». Город вроде и небольшой, население всего семьсот тысяч, но в часы пик тоже бывают пробки. Она была очень примерным водителем, машину свою любила и без нужды не рисковала. Сколько надуманных проблем вокруг этих праворулек! Якобы именно на праворульных машинах совершается больше всего аварий. Вряд ли есть такие статистические данные. Если бы спросили Рахилию, так она бы сказала, что за рулем праворульной машины водитель даже более собран и ответственен, чем за рулем леворульной.

Город, в котором Рахилия родилась и выросла, состоит из нескольких обособленных районов, расстояние между которыми три, а то и пять километров. Где-нибудь в Западной Европе это были бы разные города. Но здесь расстояние между городами меряется как минимум сотнями километров. Очень любит Рахилия свой город, свой район, людей, в нем живущих, потому что с каждым из них невидимыми нитями связала ее судьба. Как хорошо, что она никуда не уехала отсюда и ее до сих пор окружают люди, с которыми прошло детство. Может быть, именно поэтому, несмотря на то что ей и ее друзьям уже немало лет, чувствуют они еще себя совсем молодыми.

Сегодня ее день рождения, надо ехать поаккуратнее: на заднем сиденье машины лежат торт, шампанское и конфеты. В обед надо будет отметить с сотрудниками из своего отдела, а после обеда – поехать на базар и кое-что закупить. Вечером придут поздравить сын с невесткой, кото-

рые живут в другом районе города, и три ее верных друга детства, может, с женами, а может, и без. Почему-то всегда в день рождения начинаешь оглядываться назад и анализировать прожитую жизнь...

Красивым и редким именем назвали ее родители. Когда она говорила им:

– Что за неказахское имя вы мне придумали?

– Очень даже казахское, просто вы не по-казахски его произносите, – слышала она в ответ.

Ей это имя вообще-то нравилось. Было в нем что-то такое утонченное. Оно очень подходило к ее внутреннему содержанию, к ее тонкой и нежной душе. В детстве она была немного угловата в манерах, при том что у нее было беленькое, довольно симпатичное лицо с большими карими глазами. Рахия дружила в основном с мальчишками. Ни время, ни обстоятельства, ни расстояния не смогли разлучить ее с тремя из них. Дружба их претерпевала определенные изменения, переходила в другие плоскости, но самое главное – оставались душевная близость и желание время от времени выговориться. Когда они встречались, она начинала разговаривать с ними попеременно с крепкими словцами. Конечно, это была бравада и где-то защитная реакция, чтобы держать этих ребят на равноудаленном расстоянии от себя, чтобы сохранить их именно в друзьях, чтобы никто из них не мог бы претендовать на что-то большее. Самое интересное, что ей это шло. В ее устах эти слова приобретали особую пикантность и прелесть. Когда проговаривала она свои ругательства с каким-то особым, только ей присущим произношением, это всегда вызывало улыбку и никого не шокировало.

Они не были одноклассниками, не учились в одном классе, все получили разное образование, теперь уже жили в разных городах, по-разному сложились их жизни. А общим был у них город, район в этом городе, улица на окраине города и рядом стоявшие четыре дома. Объединяло их общее

босоное, беззаботное детство, в котором три соседских мальчика были по-детски влюблены в одну красивую девочку, когда деревья казались большими, дожди теплыми, солнце ласковым, а будущее прекрасным. День рождения Рахили – это был всегда прекрасный повод еще раз хоть не надолго вернуться в детство...

Когда у нее появился ухажер, все трое сильно ревновали ее так, как может ревновать брат свою сестренку. Ержан на вид был парень интересный: высокий, с густой, черной, кудрявой шевелюрой, он был похож на батыров с рисунков к казахским народным сказкам. Ему не стоило большого труда завладеть ее вниманием. В свою очередь ему льстило, что окруженная тремя парнями девушка предпочла его. После недолгих ухаживаний Рахили была сосватана и вышла замуж за Ержана. Просить руки и сердца Рахили Ержану пришлось сразу у двух пап и двух мам.

Так случилось, что Рахили росла в двух семьях. Отец Рахили и его старший брат жили рядом. В семье дяди не было детей, и когда родилась Рахили, а она была у отца с матерью уже третьим ребенком, ее отдали в семью дяди. Рахили принесла счастье в их семью: через некоторое время у дяди с тетей родился долгожданный ребенок – сын, а потом еще три девочки. А Рахили одинаково сильно любила отца с матерью, дядю с тетей и родных и двоюродных сестер и братьев.

Свадьба была пышная, веселая. У жениха был свой большой дом, и с первого дня Рахили с Ержаном жили отдельно. Для Рахили, выросшей немного по-мальчишески, лучшего и желать было нельзя. Она только начала постигать азы женской работы. Через год родился сын, и Рахиле стало сложновато управляться по хозяйству и с ребенком. А в семье у дяди была у нее любимая, самая младшая и самая хорошенькая сестренка Асемгуль. На семейном совете было решено, что Асемгуль будет жить у Рахили с Ержаном и помогать им по дому.

С приходом в дом Асемгуль стало значительно легче, вдвоем у них все спорилось. А когда Рахилия вышла на работу, Асемгуль и за ребенком присматривала, и в доме порядок держала. Возможно, во многом благодаря именно Асемгуль Рахилия смогла проявить себя на работе как грамотный, инициативный работник и потому быстро продвигалась по служебной лестнице. Время летело быстро. Сын подрос, в школу пошел. Асемгуль уже работала продавцом в универмаге и училась заочно на товароведа. Она уже стала как бы полноправным членом их семьи и о возвращении ее в родительский дом ни у кого даже и мысли не возникало. Так было удобно всем, а самое главное – было удобно Рахиле, которая к тому времени заняла высокий пост на своем предприятии. Параллельно с производственной карьерой Рахилия преуспела и в общественной жизни – она стала депутатом районного совета.

Между собраниями, заседаниями и другими общественными мероприятиями все сложнее становилось выкраивать время для дома, для семьи. Насколько это было возможно, она старалась не обделять вниманием родных и близких и участвовать во всех семейных мероприятиях и торжествах. Но чем дальше, тем труднее было это делать. Наступило такое время, когда ее присутствие воспринималось как приход высокопоставленного лица и придавало определенный вес конкретному мероприятию. Однако это не меняло ее сущности как человека. Она как была, так и оставалась простой, доброй, чуткой и очень восприимчивой к чужим переживаниям. А то, что происходило вокруг нее, определялось только ее общественным положением...

Как гром среди ясного неба, как удар тяжелым предметом по голове было для Рахили, когда вдруг она увидела, что ее сестренка Асемгуль, оказывается, беременна.

– Девочка моя, ну что же ты молчала? С этими вещами нельзя тянуть. Кто отец ребенка? Надо, чтобы они срочно

шли сватать. Проводы мы сами с Ержаном сделаем. Ну как же так, ну почему ты мне ничего не сказала?

Рахилия была потрясена. Обняв Асемгуль, готовая рыдаться, она гладила по головке сестренку. Она понимала, что вся ответственность на ней, ведь Асемгуль жила у них. Это она проглядела сестренку. Асемгуль вся как-то сжалась, не поднимая глаз от стыда, плакала и плакала, не переставая. Рахилия же решила, что они сами с Ержаном найдут отца ребенка и все уладят.

Никогда прежде не ждала она с таким нетерпением возвращения мужа с работы. Он даже удивился, что Рахилия сама встречает его. Приняла его одежду, подала тапочки и молча ходила за ним, не зная с чего начать. Когда же она стала говорить об Асемгуль, Ержан почему-то покраснел и опустил голову. Но Рахилия ничего не замечала:

– Нужно спасти Асемгуль. Мы в ответе за нее, ведь нам же с тобой доверили ее. Как посмотрим в глаза родителей? Что нам делать, что? Где нам искать отца ребенка, как заставить его жениться на ней?

Не поднимая головы и не повышая голоса, на одной ноте сдавленным осипшим голосом Ержан сказал:

– Не надо никого искать, ребенок мой, я люблю Асемгуль, вернее, мы любим друг друга.

То ли потому, что он говорил монотонно, то ли потому, что она просто не ожидала такого ответа, но до Рахилии не сразу дошел смысл сказанного. Ей пришлось напрячься, как бы заново прокрутить в голове его слова, и только тогда до нее дошел их чудовищный смысл.

– Да как ты мог так поступить со мной и сыном? Как посмел воспользоваться доверчивостью Асемгуль? Она же еще ребенок. Родители нам ее доверили. Как я посмотрю им в глаза? Что мы им скажем?

Меньше всего, как это ни странно, в этот момент думала Рахилия о себе, своей семье, которая рушилась на глазах, о своем сыне, который может лишиться отца. Ей даже в

голову не приходило, что Асемгуль виновата наравне с Ержаном, а ее – Рахили, вины тут как раз-то меньше всего. Всеобъемлющее чувство вины перед дядей с тетей, перед сестренкой заглушило все другие чувства и мысли. А Ержан, как заведенный, твердил:

– Мы любим друг друга.

Не понятно в какой момент вошедшая Асемгуль в подтверждение его слов стыдливо поддакивала ему.

Смятение, растерянность, стыд, жалость, обида и немного страх – такая сильная буря чувств, как девятибалльный шторм, в считанные секунды смели и разрушили всю жизнь Рахили. Что-то надломилось в ней. Ноги не слушались, тело обмякло, и только мозг лихорадочно просчитывал все возможные варианты выхода из положения, в которое так безжалостно загнала ее жизнь.

Обычно такая сильная и уверенная, она впервые в жизни захотела быть слабой и беззащитной. Поплакаться бы на чьем-нибудь плече, спрятаться бы за чью-то широкую, сильную спину. Но тот, кто должен был быть опорой, сам оказался виновником проблем. Обсуждать это с кем-то невозможно, слишком уж личное и какое-то невероятно стыдное положение.

Ею овладело жуткое чувство брезгливости, как будто кто-то безжалостно облил ее грязью. Что же делать, что?.. Ну что ж, кажется все ясно, уходить надо Рахиле, бежать, и чем быстрее, тем лучше. Возвращаться домой к родителям не хотела. Зачем вешать свои проблемы на их седые головы? А подруг-то у нее, оказывается, близких и нет. Вместо подруг у нее три ее друга. Ну почему хотя бы один из них не женщина? Есть сестры, но у них есть мужья, дети. Да и жалко их грузить своими проблемами.

Она ни с кем из близких не хотела это обсуждать. Ей хотелось, как раненной собаке, уползти куда-нибудь подальше от всех и самой зализывать свои раны. В гостиницу, только в гостиницу. Хотелось уйти и больше сюда не

возвращаться, а для этого нужно вещи забрать. Но не в гостиницу же их везти?

Позвонила Жанне, с ней они долгое время вместе работали, и у Рахили с ней были приятельские отношения. Жанна жила одна. Насколько это было возможно, спокойным голосом Рахили сказала:

– Знаешь, мне нужно на несколько дней оставить кое-какие вещи. Можно, к тебе привезу?

Уловив что-то необычное в ее голосе, Жанна не задала ни одного вопроса.

– Ну о чем может быть речь, приезжай, конечно, жду тебя.

Быстро собрав свои и сына личные вещи, вызвала такси и поехала. Сын никак не мог понять, почему и куда они должны уезжать? Что вообще случилось? Что мама сильно чем-то расстроена, понятно, но чем? И почему папа даже не вышел их проводить?

Какой бы сильной себя Рахили ни считала, все равно она, оказывается, самая обычная слабая женщина, и когда подъезжали к дому сотрудницы, на глазах у нее стояли предательские слезы. Увидев ее в таких растрепанных чувствах, Жанна сказала:

– Никуда я вас сегодня не отпущу. Давайте располагайтесь. У меня как раз сегодня такое настроение, что очень не хотелось быть одной. Я вам очень рада, и вы меня со всем не стесните.

Уложив ребенка спать, они до утра просидели на кухне. Только с женщиной можно вот так, без конца перебивая друг друга, не дослушивая до конца, вперемежку с плачем, от души выговориться. Им обоим стало значительно легче...

Постепенно жизнь налаживалось. Асемгуль много раз просила прощения у Рахили и делала все, для того чтобы сердце ее оттаяло.

Прошло несколько лет. Рахили получила двухкомнат-

ную квартиру. Сын подросток. У Асемгуль с Ержаном родились дети: девочка и мальчик, детство и взросление которых пришлось на трудные девяностые годы.

Рахилия помогала им, принимая участие в решении таких их насущных проблем, как покупка одежды, оплата за обучение, радуясь тому, что у ее сына есть теперь родные брат и сестра. Как когда-то в детстве она была ребенком для двух семей, так и теперь она пыталась быть мамой для двух семей.

Эта двойственность отношений больше всего сказалась на сыне Рахили: лишенному отца, ему приходилось еще и мать делить с кем-то. В подростковом возрасте обида на отца выражалась в протестных проявлениях, в трудном характере, в плохой компании. А Рахиле, привыкшей преодолевать трудности, пришлось мужественно переносить еще и эти удары судьбы.

Знакомые, друзья, все, кто так или иначе знает их историю, недоумевают: как такое возможно, что это – широта души, материнский инстинкт (по отношению к Асемгуль) или просто слабохарактерность? Как можно было такое простить?

Но в этом поступке вся она – Рахилия. В ней причудливым образом сочетаются и уживаются мужская прямота, широта и красота души, способность совершать ответственные и серьезные поступки и одновременно женская мудрость, умение сопереживать, безмерное желание оградить родных и близких от каких-либо потрясений (в ущерб даже, если надо, ее личным интересам)...

День рождения прошел, как всегда, весело, пришли сын с невесткой и три ее верных друга. Вспомнили все старые песни, «бородатые» анекдоты, смешные истории из школьной и студенческой жизни. Смеялись своим, только им понятным шуткам, которые не надо «разжевывать». Смеялись так заразительно, как могут смеяться только очень близкие и старые друзья

А перед уходом кто-то из друзей вдруг вспомнил:

– Слушай, Рахилия, у тебя же, кажется, праворулька? Говорят, будут запрещать их использование или будут заставлять переделывать руль на левую сторону.

«Да уж, – подумала Рахилия, – ну ничего, и это пройдет, машину-то хоть можно переделать, судьбу вот только не переделаешь, и жизнь заново не перепишешь».

Бумеранг

Наконец-то позади волнения последних дней. Хлопоты сборов, беготня с бумагами, печатями и подписями, а тут еще и самолет задержался на два часа. В салоне авиалайнера, удобно разместившись в своем кресле рядом с проходом и пристегнув, как положено, ремень, Гульжан закрыла глаза и стала прокручивать в мозгу, не забыла ли она чего. Так. Пять экземпляров кандидатской диссертации, протоколы лабораторных и институтских семинаров, характеристики, плакаты и т.д. Вроде бы ничего не забыла. Наконец-то она на финишной прямой. Хотя, что значит «наконец-то»? Кому-то, наверное, показалось, что она слишком легко и быстро вышла на защиту. Если даже ее муж был удивлен и обрадован одновременно: когда же ты успела написать? Он работал в научно-исследовательском институте, свою диссертацию блестяще защитил шесть лет назад, и сразу же после его защиты занялась наукой Гульжан.

Ровно шесть лет ушло на то, чтобы поставить эксперименты. Обработать результаты, научно обосновать их, запатентовать и получить патенты и авторские свидетельства. Провести полупромышленные и промышленные испытания. Семья, а это были ата, муж и два сыночка, гордилась ею. Ата не дожил до выхода на защиту Гульжан. Между снохой и свекром были удивительно теплые отношения. Он одобрял ее стремление написать диссертацию и всячески помогал. Перед смертью он оставил, оказывается, красивый, расшитый шапан, который просил надеть ей на плечи, когда будут отмечать ее защиту. Но об этом

она узнала много позже. Это был самый дорогой для Гульжан подарок. А младший сыночек написал однажды сочинение к Восьмому марта, что его мама такая умная и имеет несколько изобретений. Очень странная была реакция у преподавателя: она на весь класс объявила, что вот он какой нескромный, так хвалится своей мамой. Пришлось Гульжан сходить в школу и объяснить преподавателю, что диссертация и изобретения – это такой же результат труда научного работника, как у шахтера – выданный на-гора уголь или у хлебороба – выращенный хлеб. Так почему же сын шахтера или хлебороба может гордиться результатами труда родителей, а сын научного работника должен стесняться? Ведь научная работа – это не менее тяжкий труд. Преподаватель была пристыжена, а сын еще больше гордился мамой... Ой, что-то она не о том думает...

Самолет набрал высоту и взял курс на Минеральные Воды. Успеет ли она сегодня добраться до Владикавказа? Второй раз летит она в Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Первый раз она была там месяц назад, сразу после Нового года, и была приятно удивлена теплой зимой, ходила без головного убора, в пальто нараспашку. Тогда она летала на сдачу кандидатского минимума по специальности, ей вообще пришлось по специальности сдавать два предмета: работа получилась на стыке двух специальностей, и таких ученых советов в Союзе оказалось только два – в Иркутске и Владикавказе. Вот и выбрали Гульжан и ее научный руководитель Владикавказ. В этот раз она летит на предварительную защиту. Хорошо, что все эти поездки пришлись на зимнее время года, зимой у Гульжан (а может, и у всех людей) наивысшая работоспособность.

Если построить график зависимости работоспособности от времени года, то пик пришелся бы, наверное, на январь-февраль... Да, где же ее плакаты, где ее нестандартный тубус? Ах да, вот он, возле ног. Чтобы плакаты не дефор-

мировать (а их было пятнадцать), муж сделал в своем конструкторском отделе тубус диаметром с широкое дерево и длиной около метра, а сверху обклеил текстурной бумагой под дерево. Получилось как бревно, так что теперь Гульжан в своей коричневой дубленке ходила как знак плюс. Ну что ж, лететь еще долго, можно и подремать.

Жизнь научила ее в нужные моменты легко отключаться и использовать каждую минуту и возможность, чтобы передохнуть и восстановить силы. Помнится, в студенческие годы на производственной практике в ночную смену она так устала, что уснула стоя. При этом в руках у нее был шланг с водой, которым она мыла площадку перед концом смены. Уснула настолько крепко, что проснулась только от взрыва. Это взорвался электродвигатель насоса, который она залила водой из шланга. Руководство фабрики от радости, что студентка-практикантка не пострадала, сильно не ругало...

Так, поспать, кажется, не придется: кто-то к ней обращается. Это сосед, сидящий через проход от нее. Высокий, седой, хорошо одетый, симпатичный мужчина-кавказец европейского типа лет так шестидесяти – шестидесяти пяти.

– Куда, мусульманка, путь держишь?

Разговаривать с кем-либо у Гульжан не было никакого желания, но и игнорировать обращение взрослого человека было бы крайне невежливо, пришлось отвечать:

– Во Владикавказ.

– А что там?

– По работе.

– Куда по работе?

– В Северо-Кавказский горно-металлургический институт.

– Ну что ж, мы тоже во Владикавказ.

(Он, оказывается, летел с племянником лет десяти-двенадцати, который сидел рядом.)

На этом их диалог закончился. Но мужчина периодически поглядывал на нее, как будто хотел спросить: чем он мог бы быть ей полезен. Гульжан не могла понять, чем вызвано столь его пристальное внимание.

Стюардессы разносили еду. Кушать почему-то не хотелось, но пока съешь еду, выпьешь напитки, время проходит быстрее. Может быть, поэтому и кормят в самолетах.

Самолет пошел на посадку, пассажиры стали одеваться, собирать свои ручные багажи. Гульжан тоже стала собираться, взяла в руки свой тубус и вдруг услышала, как сосед обращается к племяннику:

– Махмуд, возьми ее «маслобойку»!

Ну надо же такое придумать! С юмором дядечка. Какой бывает маслобойка, Гульжан не знала, но на сосуд для доводки кумыса ее тубус был похож. Теперь из-за своей «маслобойки» Гульжан поневоле должна была идти вместе с ними. Несмотря на февраль, погода стояла относительно теплая, шел дождь со снегом. Маис, так звали дядечку, спросил, на чем собирается Гульжан добираться до Владикавказа. Гульжан сказала, что на автобусе. Дядя Маис (теперь она решила так его называть) предложил взять такси. Естественно, Гульжан ответила отказом: как могла она с незнакомыми людьми ехать из одного города в другой, да еще на такси. Попутчики пошли провожать ее на автостоянку. Последний автобус ушел, оказывается, час назад, вот и вылезла боком задержка самолета. Что же делать? Аэропорт в Минеральных Водах всегда переполнен, в нем не то что сидеть, стоять обычно негде. Перспектива простоять всю мокрую и дождливую ночь, да еще с вещами не прельщала. А тут еще дядя Маис опять повторил свое предложение поехать вместе на такси. Надо было быстро принимать решение. Даже если предположить, что дядя Маис – бандит и что-то замышляет, есть же еще четвертый человек – таксист, который в этой ситуации человек нейтральный. Да и вообще, откуда такие плохие мысли

о людях, и надо доверять своей интуиции, а интуиция ей подсказывает, что это хорошие люди. Надо было видеть, как обрадовался дядя Маис, когда она сказала, что согласна ехать с ними на такси.

Гульжан села на переднее сиденье, дядя Маис с племянником Махмудом сзади. Не успело такси тронуться, опять начались расспросы дяди Маиса.

– Ты где обычно останавливаешься во Владикавказе?

– В гостинице «Интурист».

– Слушай, зачем тебе гостиница. Поехали ко мне домой. Знаешь, как моя жена и мать обрадуются тебе?

– Не поняла, почему?

– Как не поняла, ты же казашка?

– Ну, да. Казашка.

– А мы не то, что казашке, даже каждому человеку из Казахстана сильно рады оказать теплый прием. Казахи спасли наш народ и, в частности, моих родителей от вымирания. Мы это никогда не забудем.

– Дядя Маис, а кто вы по национальности?

– Ингуш.

– Спасибо вам большое, но мне удобнее в гостинице.

– Да у меня, знаешь, какой большой дом, сколько комнат! Ты как королева была бы.

– Нет, ну что вы, я не хочу никого обременять.

– Почему обременять? Какой обременять? Ты бы только обрадовала нас.

Гульжан промолчала. Так вот оно что, теперь все встало на свои места, вот почему он с такой теплотой и заботой к ней относится. А дядя Маис стал рассказывать, как он был маленьким мальчиком, когда их лютой зимой в вагонах для перевозки скота, без теплой одежды, голодных привезли и выгрузили посреди голой степи. Многие не добрались, умерли по дороге, а те, кто выжил, еще долго брели пешком до первых аулов. Как с детской непосредственностью делились с ними казахи кровом, одеждой, едой. А ведь и сами они не были богатыми или зажиточными в эти

страшные годы войны, они делились последним куском хлеба, последними зипунами в ущерб себе и своим детям.

Конечно, Гульжан не могла всего этого видеть, так как родилась уже в более благополучное время. Но она вспомнила, что читала записки одного русского путешественника, как он оказался в казахских степях во времена голода. В одном ауле зашел он в жилище, где лежали ослабевшие от голода, умирающие старики и дети, а в деревянном ларце он увидел небольшой кусок завяленного мяса и маленький мешочек муки или крупы. Он был очень удивлен: «Почему же вы не съедите это?» Тогда ему ответили: «Ну как же это можно, а вдруг к нам гость придет, чем же мы будем угощать его?» Путешественник до глубины души был поражен добротой и гостеприимством казахов...

Дядя Маис еще долго рассказывал, называл имена тех людей, потому что такие вещи не забываются. В разговор вступил таксист, он тоже вспомнил, что у него есть родственники, которые выжили в Казахстане. У Гульжан разгорелись щеки, сердце учащенно билось, потому что это в ее лице они благодарили весь казахский народ.

Так незаметно за разговором они добрались до Владикавказа. По дороге дядя Маис расспрашивал Гульжан, из какой области Казахстана она, из какой – ее муж. Когда она сказала, что из Северо-Казахстанской области, он спросил, из какого именно аула. Гульжан назвала аул. «Я знаю этот аул, у меня шеф был оттуда», – сказал дядя Маис. А так как Гульжан многих там знала, она спросила, кто именно. Это оказался двоюродный брат мужа Гульжан. Слово за слово выяснилось, что дядя Маис знал всех родственников и даже самого мужа Гульжан, и тогда он радостно воскликнул: «Ну все, теперь ты поедешь ко мне. Нельзя мне, чтобы близкая родственница моего шефа и друга не побывала у меня в гостях!» Гульжан ничего не ответила.

Место в гостинице «Интурист» было, так как это был

уже не первый ее приезд и ее здесь уже знали. Дядя Маис с Махмудом помогли занести вещи и, записав номер телефона в номере, уехали.

Работы было много, в гостиницу Гульжан возвращалась поздно и сильно уставшая. Так прошла неделя. В выходной день она решила выспаться, но в девять утра неожиданно зазвонил телефон. Это был дядя Маис, он сказал, что минут через тридцать подъедет с женой.

Тетя Зара (так звали жену дяди Маиса), войдя в номер, с плачем обняла и поцеловала Гульжан, как будто это была близкая родственница, которую она нашла после долгой разлуки. Они сказали, что приехали забрать ее в гости, и что дома Гульжан ждет бабушка (мама дяди Маиса), поэтому возражения и отказ не принимаются.

Дом дяди Маиса показался Гульжан дворцом. Это было большое двухэтажное здание с колоннами, отделанное розовой плиткой. Рядом стояли еще одноэтажный дом (тоже немаленький) и гараж. Все эти постройки огорожены высоким каменным забором. Внутреннее убранство было, по мнению Гульжан, немного помпезным. Во всем чувствовался недостаток.

Подведя Гульжан к матери, которой на вид было лет под девяносто, дядя Маис сказал:

– Мать, ты же хотела, я тебе казашку привез.

Мать тоже очень обрадовалась тому, что у них в доме в гостях оказалась казашка. Гульжан невольно оказалась в такой странной ситуации. Она впервые видела их, никогда ничего ни хорошего, ни плохого им не сделала. Ей пришлось принимать благодарность и признательность не за свои личные заслуги, а за доброту и мудрость своего народа.

Обед состоял из нескольких блюд, но основным было блюдо из мяса индюка, которое оказалось необыкновенно вкусным и чем-то похожим на казахский бешбармак. Его также подавали на блюде и к нему прилагали чесночную подливу на бульоне.

За обедом бабушка стала вспоминать о жизни в Казахстане, так на нее подействовало появление Гульжан в их доме. Несмотря на то что прошло почти полвека, она помнила некоторые детали и подробности событий тех дней. Со многими казахами они стали так близки, что называли друг друга «тамырами». «Тамыр» в переводе с казахского означает «вена», а люди, называющиеся тамырами, – кровные братья...

Эта поездка во Владикавказ оказалась удивительно удачной. Она смогла в этот приезд блестяще пройти предзащиту, утвердить оппонентов и день защиты на ученом совете, тогда как совместить это обычно не удавалось, и всем аспирантам приходилось приезжать несколько раз. Видимо, сказалось то, что даже в далеком Владикавказе столько людей искренне желало ей добра и удачи.

Когда вернулась Гульжан домой из этой поездки, старший сыночек, посадив ее перед собой, сказал слова, которые обычно говорил его дедушка-ата:

– Ну, давай, рассказывай. Вот ты выехала из дома...

И Гульжан подробно рассказала ему, в какую удивительную историю она попала. Как бумерангом вернулось к ней добро, сделанное ее народом, частицей которого она является. А волнения, испытанные ею при предзащите, дальняя дорога с пересадками и переездами остались лишь эпизодом.

Чисто женская история

Кажется, наконец-то жизнь начинает налаживаться. Последние три года состарили Маржан лет на десять: безработный мужчина в доме – это самое страшное, что можно представить себе. Когда она, молодая медицинская сестра, только что закончившая медучилище, выходила замуж за Нуркена, закончившего юридический институт с красным дипломом, будущая жизнь представлялась красивой и безоблачной. Но реальность оказалась гораздо прозаичнее. Маржан нельзя было назвать красавицей, но она была, что называется, аппетитная: чуть ширококостная, ладно сложенная, с игривыми зелеными глазами. Нуркен же, рыжий с торчащими ушами, светлыми небольшими глазами и веснушками на всем лице, был похож на недожаренный баурсак. Подруги Маржан не понимали, что она в нем нашла и зачем за него выходит замуж. Но у них была своя романтическая история. Он был старше ее на три года и обратил на нее внимание еще в школе, а девчонкам всегда льстит внимание старшеклассников. Она не замечала его блеклой внешности, которая сполна компенсировалась умением красиво говорить. Когда он учился в юридическом институте, она могла часами слушать его веселые рассказы о курсантской жизни, о случаях из милицеской практики, от которых веяло какой-то необъяснимой романтикой и загадкой.

Вначале их семейная жизнь складывалась, как у всех молодых пар в те годы: двухкомнатная «хрущевка», полупустой холодильник, невысокая зарплата и двое детей: мальчик и девочка – погодки (на большее количество в

те годы мало кто решался). Но, без сомнения, они были по-своему очень счастливы. Дети подрастали умными и красивыми, проблем с ними не было. Нуркен медленно, но верно поднимался по служебной лестнице и уже дослужился было до майора, когда исторические события того времени внесли свои безжалостные коррективы в судьбы практически всех людей. Зарботную плату не выдавали по полгода, вещи почему-то быстро изнашивались, а продукты быстро заканчивались. От безысходности Нуркен все чаще и чаще приходил с работы навеселе, и однажды его просто уволили с работы.

Маленькой и нерегулярной зарплаты медицинской сестры ни на что не хватало. Маржан могла бы, как многие женщины того времени, стать «челночницей»: возить товар из Китая или Турции, но для этого нужны были стартовые деньги, а их не было. Да и страшновато, если честно. Вот и потянулись тоскливые, безрадостные дни. Нуркен хорохорился, каждое утро уходил куда-то, уверяя, что ему какой-то старый друг обещал хорошую работу. А вечером одна и та же история: возвращался домой, еле держась на ногах, весь в чем-то вымазанный, как бездомная, потрепанная собачонка. Дети приводили его в человеческий вид и укладывали в постель. На следующий же день все повторялось сначала. Сердце Маржан разрывалось от сознания того, что не смогли они с Нуркеном обеспечить своим детям нормальную жизнь. Но успокаивало только то, что не они одни в такой ситуации. А груз тягот, как говорила ее бабушка, переносимых вместе с народом, легче в десятки раз.

И среди всей этой безысходности, как лучик яркого солнца, засветило приглашение на юбилей двоюродного брата Маржан по материнской линии. Но где же взять денег на дорогу, на подарок? Помогла родня, решив от имени всех делегировать ее на это торжество.

Маржан, конечно, понимала, что параллельно с их безрадостной жизнью существует другая, яркая и красивая,

но и представить себе не могла, что разница так велика. Брат ее, как выяснилось, занимавший высокую должность в органах внутренних дел, очень обрадовался приезду двоюродной сестренки, с которой его связывали приятные детские воспоминания. Узнав о ее проблемах, он пообещал устроить Нуркена на работу в новую столицу, тем более что там остро нуждались в грамотных кадрах. А для этого Нуркен должен был бросить пить и со следующего месяца поехать на шестимесячные курсы повышения квалификации. Радости Маржан не было предела. Впервые за многие годы впереди замаячил призрачный огонек надежды. Эта поездка была как сказочный сон: жизнь прекрасна, люди великодушны, проблемы решаемы.

Радостная весть подействовала на всю семью, как глоток свежего воздуха на задыхающегося человека, как вода, оросившая потрескавшуюся, высохшую землю. Взгляд у детей стал увереннее, плечи их распрямились, они и смеяться стали по-другому. Только у Нуркена реакция была неоднозначная. Несколько лет хоть и вынужденного безделья отложили свой отпечаток на его психологию. Душу его обуревали одновременно несколько сильных и сложных чувств: радость, страх и стыд. Радость – от того, что представляется блестящая возможность вылезть наконец-то из этого замкнутого и порочного круга и почувствовать себя нормальным, полноценным человеком. Страх – от того, что за несколько лет безделья потеряны навыки работы и всему надо учиться заново: даже грамотно писать и грамотно выражать свои мысли. И, наконец, стыд – за свой внешний вид: изможденное, почерневшее, неухоженное тело, а также отсутствие приличной одежды.

Почувствовавшая его смятение Маржан много сделала, чтобы повысить его самооценку. Целый месяц вела с ним душевные беседы, напомнила ему о том, что ведь он же был отличником учебы, закончил вуз с красным дипломом, до поры до времени быстро продвигался по служебной лестнице. Откармливала его в ущерб остальным чле-

нам семьи. Пришлось занять денег, чтобы приодеть его. Провожая Нуркена в Алматы на курсы, Маржан сказала: «Помни, мы надеемся на тебя, не подведи нас».

После его отъезда жизнь не стала легче, но одно то, что есть надежда на улучшение, придавало силы. Зная сложности Маржан, главный врач больницы разрешил ей работать на две ставки. Знакомые и подруги помогали находить дополнительную работу – уколы на дому. В общем, концы с концами сводить удавалось только за счет того, что работала, не жалея себя.

Детям пришлось повзрослеть раньше времени. Несмотря на то что еще были школьниками, полностью взяли на себя все семейные заботы: сами закупали продукты, сами готовили кушать, поддерживали порядок в доме и ласково заботились о Маржан.

Полгода пролетели быстро. За это время у Нуркена произошли разительные внутренние и внешние перемены. Это был еще не холеный, но уже не тот изможденный и потерянный человек. После окончания курсов вместе с сертификатом и удостоверением Нуркен получил высокую, хорошо оплачиваемую должность. Радости не было предела. Само по себе получить работу в новой столице было круто, а получить хорошую работу, в перспективе еще и квартиру было здорово. Это открывало хорошие возможности для будущего карьерного роста детей, которые к тому времени уже заканчивали школу. Подъемные, которые получил Нуркен для передислокации на новое место работы, потратили полностью на него самого, купили соответствующую его новому статусу одежду.

Так как дом для их организации еще только строился, им выделили комнату в семейном общежитии, где жили такие же, как они, под сорок и за сорок люди с детьми и без детей. И была в этом периоде жизни своя прелесть, все вдруг почувствовали себя опять молодыми, как в студенческие годы. И никого не смущали некоторые неудобства коммунальной жизни, все понимали, что это временно, и

именно поэтому наслаждались прекрасной возможностью тесного дружеского общения и приобретения новых знакомств и друзей.

Маржан, опять же благодаря своему брату, устроилась на работу в Астане и жила теперь между мужем и детьми, используя малейшую возможность для поездки домой. У сына был выпускной год. Хорошо сдав выпускные экзамены, он поступил на юридический факультет университета. Следом то же самое предстояло дочери, только поступать она собиралась в медицинскую академию...

Время летело быстро. Сотрудники ведомства жили в ожидании скорого новоселья. Дочь поступила в медицинский. Маржан, в бесконечных поездках между двумя городами к детям и мужу, не замечала происходящих в Нуркене перемен.

Незаметно для себя Нуркен привык к новому положению вещей: работа руководителем важного подразделения, большой, хорошо обставленный кабинет, уважение подчиненных, молоденькая и симпатичная секретарша Лиза, которая так «естественно» смущалась при нем. Настроение на работе у него всегда было приподнятое, ему доставляло огромное удовольствие, что он так спокойно и уверенно может решать важные вопросы. Руководство его ценило. С подчиненными он выработал покровительственно-нисходительную с элементами юмора манеру общения. А в семье... В семье ему все напоминало о том, кем он недавно только был: потерянным и раздавленным человеком. И хотелось бежать и бежать от этого как можно дальше. Эта большая разница в самосознании и восприятии себя на работе и дома не давала ему покоя. Происходило как бы раздвоение личности. Надо было мириться с тем, что уверенный в себе компетентный руководитель и совсем в недавнем прошлом жалкий и безвольный человек – все это он Нуркен и есть. Надо отдать должное Маржан: ни взглядом, ни словом не выказывала она непочтения или неуважения по отношению к нему. Но до чего же странно

устроен человек! Сам же он прекрасно понимал: все, что у него есть сейчас, он получил благодаря своей жене, его личных заслуг здесь почти нет, но именно это-то и вызывало раздражение. Все, что было в прежней жизни, хотелось забыть как страшный сон и начать бы новую жизнь. А тут еще Лиза. Его бросало в дрожь, когда она смотрела на него широко раскрытыми глазами и каждый раз краснела, если, как бы случайно, прикасались их руки или встречались взгляды...

Бывает такая категория людей, которые в детстве и молодости не отличаются особой привлекательностью, однако же с возрастом становятся более интересными. Нуркен относился, видимо, именно к такому типу. В его внешности произошли определенные метаморфозы. За счет того что он немного поправился и возмужал, уши его уже не так торчали. Веснушки с возрастом побледнели, и он превратился в светлого, русоволосого, вполне симпатичного казаха. А с учетом его социального статуса это был респектабельный мужчина. Нельзя сказать, что Лизой руководили только корыстные интересы (хотя в некоторой степени это тоже присутствовало) – она еще и просто влюбилась в него.

Роман их развивался стремительно: настолько оба были готовы к переменам в жизни. Ослепленные новым чувством, они не задумывались о том, как на них реагируют окружающие. Мужчины его возраста и женщины ее возраста смотрели с интересом: каждый подсознательно примеривал эту ситуацию на себя; женщины его возраста и мужчины ее возраста – с явным осуждением, усматривая в этом преобладание элементов меркантильности. А им было не до анализов, главное – им было хорошо вдвоем. В этот период он не хотел думать не только о мнении посторонних, но даже о том, как это отразится на детях и жене. Да и что о них думать-то, дети уже взрослые: сын уже заканчивал университет, дочь – студентка, а жена еще не старая, найдет себе другого. Главное было – получить квартиру,

оформить ее на них, и тогда можно со спокойной совестью уходить к Лизе.

Маржан чувствовала, что Нуркен изменился, но относилась это к усталости, к тому, что у него очень важная работа. Она даже гордилась им, его работоспособностью, тем, что он такой ответственный, что возвращается с работы аж под утро. Иногда она ловила на себе взгляды и чувствовала, что о ней говорят. Но относилась это к тем новым и дорогим вещам, которые у нее появились, к стрижке, которую сделала в элитной парикмахерской. Она действительно очень хорошо выглядела. Ей делали комплименты, и ее зеленые глаза излучали столько нежности, доброты и покоя. Такой взгляд можно наблюдать у беременных женщин – взгляд, наполненный ожиданием. Ведь все так хорошо и удачно складывается: сына после преддипломной практики уже пригласили на работу в столицу, дочери тоже недолго осталось до окончания вуза, и вся семья наконец-то соберется вместе...

День, когда получили ключи от новой квартиры, казался самым счастливым. Приехали дети, вместе собрали и перевезли вещи из общежития. Квартира, хоть и была трехкомнатная, но по сравнению с тем, что они имели до этого, казалась хоромами. Комнаты все большие, кухня со встроенной мебелью, две больших лоджии и просторные коридоры. Маржан и дети радостно планировали, как расставят вещи, какие надо купить люстры, и бегали из комнаты в комнату. Только Нуркен был чем-то подавлен и, ссылаясь на срочные дела, ушел на работу. Маржан с дочерью решили приготовить праздничный ужин. Купили торт, шампанское, фрукты, сварили два горячих блюда, накрыли белую скатерть. Нуркен в тот день домой не пришел, позвонил, что уезжает в срочную командировку.

На следующий день, придя с работы, по каким-то только ей понятным признакам Маржан поняла, что Нуркен был дома. Но куда делись его вещи? Ах да, он же сказал, что уезжает в командировку. Но почему он забрал абсо-

лютно все вещи, на несколько лет, что ли? Тут ее взгляд упал на конверт, который лежал на самом видном месте. Автоматически вскрыв его, начала читать. Смысл прочитанного дошел до нее не сразу, пришлось перечитать несколько раз... Не может быть, этого не может быть. Почему, почему он уходит от нее? Куда? Зачем? Ведь он же был ей уже не просто мужем, он был как брат, как самый близкий друг. Она ведь и подруг растеряла, потому что всю свою жизнь посвятила ему и детям. Она воспринимала его таким, какой он есть, со всеми достоинствами, недостатками и слабостями. Где же, где она допустила ошибку?.. Казалось, небо упало на землю, грудь как будто сдавило обручем, а в горле стоял ком. Что сказать детям? Как это можно им объяснить? Ведь они же только-только поверили, что жизнь налаживается... Они скоро должны уже прийти. Нельзя пугать их своим плачем, но и скрыть это невозможно. Оставив письмо на самом видном месте, Маржан вышла из дома. Ноги сами привели ее к кинотеатру. Взяв билет на сеанс, который только что начался, села на первое попавшееся место, лишь бы рядом никого не было, и дала волю слезам...

Из кинотеатра Маржан вышла уже другим человеком. Все-таки жизненные трудности неплохо ее закалили. И она задавала себе вопрос: «А что собственно случилось?» Ведь никто же не умер, все живы и здоровы, руки, ноги, голова на месте. У нее есть дети, работа, квартира, в конце концов. А Нуркен... Нуркен, если честно, был всегда без стержня. Стержнем была она, и должна им оставаться, по крайней мере для своих детей. Где-то в самой глубине сознания мелькнула мысль: а может, именно поэтому это и случилось. Надо было позволить ему быть сильным. И не надо лукавить, не братом и другом он был ей, а нерадивым «сыночком». Но ведь не по собственному желанию она стала сильной. Жизнь заставила. Слабой быть, конечно же, легче. Можно бы хотя бы сейчас дать волю своей боли, сво-

им эмоциям. Но нет, ни за что. Никто не увидит ее слез. Так, настроенная воинственно, пришла она домой.

Дети встретили ее с испуганными глазами и были удивлены, увидев внешне спокойную маму.

– Ну что, прочитали? – спросила она.

– Мам, ну ты не переживай, он вернется.

– Время покажет, пусть будет здоров, он же отец ваш. И хватит об этом, давайте кушать...

Внешне Маржан держалась безукоризненно. Только глаза выдавали ее. Столько в них было тоски и боли. Можно контролировать свои поступки, поведение, эмоции в конце концов. Но как контролировать мысли? Как остановить этот бесконечный анализ? Впервые в жизни ее так безжалостно предали. И главное – кто? Тот, кому она посвятила себя без остатка. Не каждый достоин таких жертв. Выходит, он-то думал прежде всего всегда о себе. И то, что пил в свое время, и то, что мог лежать столько времени без работы, – все от эгоизма, себя любимого было жалко. А потом у него наступил второй этап – самодовольство, вот он какой великий. А чтобы до конца чувствовать себя великим, нужно было оторваться от нее. Что он и сделал. Ведь все у них было: влюбленность (а может, и любовь), общие радости, общие беды (а вот как раз-то беды были только ее, свои беды он водкой заливал). И опять она убеждалась в том, что это и было ее ошибкой. Не жалеть его надо было, а безжалостно подпинывать: ну делай же что-нибудь. Хотя кто знает, такое отношение могло его совсем добить. Ну что ж, бог ему судья.

Бессонные ночи, тоска, обида, гнев, душевные раны проявили себя в виде аллергических высыпаний по всему телу. И это еще самое безобидное из того, что могло случиться. Оно-то и помогло ей вспомнить о себе и переключить всю свою энергию на залечивание физических ран. А душевные раны может вылечить только время...

Прошло несколько лет. Жизнь Маржан с детьми смело можно было назвать налаженной и благополучной. Все

трое работали, у детей наблюдался карьерный рост. Говорить об отце, обсуждать его жизнь или интересоваться им в открытую дети не решались, жалея и оберегая мать от ненужных переживаний и воспоминаний.

В последнее время все чаще и чаще стала подумывать Маржан о внуках, об устройстве личной жизни детей. Но они отшучивались, говорили: «Только после тебя, мама». Уж кто-кто, но они-то прекрасно понимали, что желание иметь мужа у Маржан отбито если не навсегда, то уж надолго точно. Подруги и родственники пробовали знакомить ее с потенциальными женихами, но безрезультатно. Были ухажеры, которые сами пытались добиться ее благосклонности. Были и искатели приключений даже из числа бывших знакомых и друзей Нуркена. Но все это не для нее. Маржан всегда была хорошей мамой и в мечтах уже видела себя хорошей бабушкой. Вот и жила она в ожидании этого времени. Плохо ей бывало в праздники, когда дети уходили к друзьям или уезжали куда-нибудь. А если она сама оказывалась в какой-нибудь компании, то часто ловила на себе мужские заинтересованные и женские неприязненные взгляды. Вот когда она чувствовала особенно остро свою незащищенность. Мужчина в доме – это, оказывается, еще и ширма добропорядочности и благополучия.

Как-то дошел до нее слух, что Нуркен проходит обследование в их поликлинике. Ну и пусть себе проходит, причем тут она. Потом кто-то из родственников сказал при встрече сыну, что его отец серьезно заболел. Дети попытались завести об этом дома разговор. Но Маржан резко пресекла, сказав, что у их отца своя жизнь, а у нее своя. Она не настраивает их против него, зла ему не желает, но и принимать участие в его проблемах не собирается.

А у Нуркена на самом деле начались проблемы. Вначале была полная идиллия. Все как в молодости, нет – даже лучше. Если в молодости все воспринималось как должное, то в зрелом возрасте – как подарок судьбы, как последний

глоток свежего воздуха. Чувства все были обнажены до предела. Он бегал, как мальчишка, по поводу и без повода дарил Лизе цветы, покупал дорогие украшения. Они даже домашнюю работу делали вместе. Лиза воспринимала все как должное, но со временем это ее начало раздражать. И она сама не заметила, как стала помыкать им, что сразу же отразилось на его авторитете на работе. В угоду ей он поменял многих своих компетентных сотрудников на дальних и близких родственников и друзей Лизы. Коллектив жил от гулянки и до гулянки. В месяц два раза выезжали в ближайшую зону отдыха. В одну из таких поездок, катаясь на лыжах, Нуркен сильно простыл. Несколько дней была высокая температура, потом начался кашель, который не проходил несколько месяцев. За ним надо было ухаживать. Лиза не выдержала этих испытаний. Предварительно уволившись с работы, она объявила ему, что дальше не может так жить. Нуркен ушел опять жить в семейное общежитие. Оказался один на один со своими проблемами, без должного ухода и внимания близких. Болезнь прогрессировала. Он похудел на пятнадцать килограммов...

Случайно, а может, и неслучайно, увиделись они с сыном в городе. Сын был потрясен. Вечером, посадив перед собой мать с сестрой, он объявил им, что отец в беде, возможно, неизлечимо болен. И он, как сын, никогда не простит себе, если случится непоправимое. Дочь его поддерживала. Под их давлением Маржан сдалась и сказала: «Ну что ж, приводите отца в дом».

Сказать, что у Нуркена был жалкий вид, это не сказать ничего. У него был вид больного раком на последней стадии: почерневший, исхудавший, весь какой-то высохший, и только глаза были еще живые с пронзительным взглядом, и они молили о помощи.

Дорогие лекарственные препараты, инъекции по расписанию, усиленное питание и хороший уход сделали свое. Через некоторое время он стал немного поправляться. Все эти заботы полностью легли на плечи Маржан. Ей прихо-

дилось по несколько раз прибегать домой, чтобы сделать ему укол, чтобы покормить его. При этом она ничего не испытывала – ни жалости, ни злорадства. Настолько в ней все давно перегорело. Для нее он был просто больной, просто пациент, которого надо поставить на ноги. Не все ее понимали, но все уважали ее за мужество и безмерную доброту.

А Нуркен, ну что ж, у него было время подумать о смысле жизни, о людях, о судьбе, которая все-таки благосклонна к нему, если даже после всего, что было, дает ему еще один шанс.

Муганя

Эссе

Какое великое счастье – видеть своими глазами счастье своих детей. Когда раньше слышала такие слова, они казались жуткой банальностью. Теперь же, когда выросли свои дети, слова эти приобрели глубочайший смысл. И самое важное – не пропустить эти моменты, сполна почувствовать радость и счастье каждого знаменательного события, потому что оно не повторится вновь. Хорошо, что смогла понять это раньше.

А произошло это благодаря наглядному примеру, который, сама об этом не зная, преподнесла одна татешка. Часто на торжественных событиях хозяйка торжества производит жалкое впечатление: весь ее вид говорит о том, как она устала, и только бы быстрее это все прошло. Нет бы понять в этот момент, что это и есть пик ее счастья.

Татешка, видимо, так долго ждала эту свою первую радость – свадьбу сына, так выстрадала ее, что когда она наступила, все мелкие организационные проблемы казались ей даже благом, а потому они сами собой и разрешались. На ее лице не было ни усталости, ни раздражения. С большой и искренней радостью она встречала и провожала своих гостей. При этом каждому говорила, что он тут самый желанный. Видя ее такой красивой и счастливой, про себя решила: да, вот так должен каждый человек проводить свое торжество. Нельзя, чтобы оно прошло как тяжелое бремя, надо ощутить и насладиться каждым мигом этого счастья.

Вот и мы провели свой первый той – женитьбу своего сыночка. Свадьба прошла на одном дыхании, на высоком подъеме во многом благодаря мудрости и организаторским способностям мужа, а также благодаря эмоциональному настрою близких родственников и друзей.

На мой взгляд, условно всех гостей можно разделить на три группы. Первая – это очень важные, занимающие высокий статус в обществе люди, присутствие которых придает вес и значимость торжеству. Их называют «свадебными генералами», и хорошо, когда в семье есть свои «свадебные генералы». Вторая – это те, которые одним своим присутствием освещают все вокруг, положительная энергия из которых буквально выплескивается. Такие гости лучше всяких приглашенных артистов умеют зажечь публику. И третья группа – самая важная: люди, для которых все это, по большому счету, делается и с которыми виновники торжества хотят разделить свою радость. Так вот, у нас, хвала аллаху, все три группы представлены полностью.

Приехавшая на свадьбу сестра из Щучинска обладает сильным, красивым голосом и прекрасным слухом. Своими прекрасными песнями и добрым юмором она очаровывала всех. При этом происходило это естественно, не напоказ, без выпячивания себя, настолько она своей энергией просто освещала все вокруг. Поэтому среди родственников она всегда самый желанный гость и украшение любых торжеств...

Прошли свадебные хлопоты, началась будничная повседневная жизнь – впервые в качестве свекрови. На всю жизнь врезалось в память сказанное нежным голосочком первой невестки слово «мама», которое, как крик новорожденного, стало рождением ее в качестве дочери отныне и навсегда. Яркая, с большими добрыми глазами и очень отзывчивая, способная без паники совершать большие дела, она смогла впоследствии одна организовать наш переезд в новую столицу. Какое неопишемое чувство ис-

пытывает человек, когда идет в гости к своему сыну, пьет чай из рук своей невестки-дочери. А когда они начинают обустройства свой шанырак, ощущение, будто ты помолодел, и это ты начинаешь жить по-новому.

А рождение первого внука? Впервые увидела, как от глубины и значимости этого события потерял дар речи муж, ставший дедом. Насколько по-разному можно выражать свои чувства: если одни от восторга начинают суетиться и не могут найти себе места, то у других, оказывается, может наступить ступор. А беготня по магазинам и базарам, когда скупали все подряд, чтобы разделить свою радость с близкими людьми! И какое счастье, когда они есть, с кем ты можешь и хочешь разделить ее. А по-настоящему близкие и родные люди – это те, кто может искренне радоваться вместе с тобой. И жизнь повторилась сначала: первые зубки, первые шаги, первые слова, и все это он – самый умный и самый красивый наш внук!

Как отрадно видеть и находить уже во внуке черты его дедушки и прадедушки. Однажды, когда ехали вместе в поезде, он, которому еще не было двух лет, точь-в-точь как его прадедушка, даже с той же интонацией, пытался завести разговор с попутчиком: «Сен қайда барасың?»¹ А попутчик попался серьезный дядечка: «Павлодарға», – ответил он. Тогда внучек: «А мен Астанаға». Так как разговор дальше не сдвигался, он сделал три попытки, вопросы те же. Угрюмый дядечка также упорно отвечал одним словом. Тогда внучек догадался: надо поменять тему разговора, и он спросил: «Сағат неше?»²...

А потом рождение внучки... Как приятно находить в ней свои черты. Очень хрупкая и нежная, одновременно уверенная и самостоятельная, с сильно развитой интуицией. Это она, когда в их детский сад пришел наш Президент, своей уверенностью выручила всю группу и даже персо-

¹ Ты куда едешь?

² Который час?

нал. Их заранее готовили, что когда зайдет Президент, надо будет всем громко поздороваться. А когда наступил решающий момент, все растерялись, даже воспитатели. Тогда вперед вышла наша внучка и звонким голосом сказала: «Здравствуйте, мы Вас любим!» – и тем самым разрядила обстановку. Президент рассмеялся, обнял ее и сфотографировался с ней... Когда была свадьба второго сыночка – любимца своего дедушки, не осталось родственников, которые бы ни приехали на торжество. Это было безудержное веселье и радость.

Дяди и тети, которым было уже немало лет, приехав заранее, веселились как дети.

А невестка – стройная, как стебелек, тонкая, как тростинка, при этом еще и умная и уверенная в себе красавица, вошла в семью, как будто всегда в ней была. Не было и нет ничего, чего бы она не смогла сделать: за несколько минут может накрыть полный дастархан, помочь свекру по ремонту. Видеокамеру, которую отказались чинить в специализированной мастерской, разобрала и починила сама. Своей искренностью и прямоотой покорила она наши сердца. И стало в семье две любимые дочки.

Потом родились еще два солнечных лучика: мальчик и лет через пять девочка. Мальчик как две капли похож на своего ата, только характер другой: более эмоциональный и игривый, светится весь – рожденный дарить радость. В полтора года знал все марки иностранных машин. Говорить не умел, но мог на пальцах показать фирменный знак автомобиля, например, «Рено», и все сразу узнавали. Фольксваген называл «леп-леп», и ата объяснял это его интуитивным чувством сходства W и двух перевернутых букв Л. Играя с машинками, выстраивал их одну за другой впритык. Вначале никак не могли понять, почему он так делает. И только потом дошло: да ведь он же никогда и не видел одиночных машин. В городе он видел машины, едущие друг за другом в ряд или стоящие в пробках. И

первыми ситуационными играми у него были – разборки дорожных происшествий.

У него был собственный словарь, в котором слова были составлены путем причудливой перестановки слогов или букв. Например, чтобы выразить слово «бумага», он говорил «муганя»... Это слово ему удавалось легче других. Когда научился правильно говорить, то все равно путал некоторые выражения со словами из своего словаря. Как-то на работе у мамы ему устроили своеобразный экзамен. И когда у него начали спрашивать произношение разных слов, знакомых ему и незнакомых, он сказал: «Я муганя знаю, спросите лучше муганя». Это ведь он, будучи еще совсем крошкой, понял, как можно достойно выйти из щекотливого положения.

А маленькая девочка, появившись в семье, с первых дней властно о себе заявила, что после ата и папы она тут главная. То, что она – яркая личность, видно по ее умному взгляду, которым она может выразить все свои эмоции. Попусту она не плачет, и если ее не понимают, то она издает громкий крик на таких нотах, которые не каждая оперная певица сможет взять. За это первое время мы называли ее Монтсеррат Кабалье. Удивительно, как такой маленький человечек чувствует: с кем и как можно вести себя, кого можно согнать с дивана, а кого – нельзя.

Вот они маленькие радости, ради которых стоит жить, откуда можно черпать силы и энергию, если не заикливаться на мелких житейских проблемах и мелочах, если уметь выделить главное в людях и в ситуациях. И нет, оказывается, предела мечтам: как хочется увидеть счастье и радости внуков, а дальше и правнуков....

Подранок

Армен проснулся от того, что кто-то пробежал по краю свесившегося одеяла. «Опять ты пришла, мы же с тобой договаривались. Ты на мою территорию не заходишь, я на твою. Бестолковая ты тварь», – подумал он и зашевелился, чтобы спугнуть обнаглевшую крысу. Кроватью ему служила старая обшарпанная дверь, снятая с петель. Вместо ножек он поставил по два кирпича по четырем углам. Поэтому, когда он шевелился, звуки получались достаточно грозные. Одеяло старенькое, ватин весь посбивался. Когда он был маленький, любил, укрывшись с головой, смотреть из-под одеяла на свет и фантазировать. Но даже в самом страшном сне не мог он представить себе свою теперешнюю жизнь. До чего же холодно. Вроде бы и зима не очень холодная, но по ночам очень трудно согреться. «Мама, мамочка, как мне тебя не хватает. Одной только своей улыбкой и ласковым прикосновением освещала ты все вокруг». Но лучше не раскисать и думать о чем-нибудь хорошем. Но как?

Жизнь загнала Армена в угол. У него нет ни дома, ни родителей, ни работы. Есть только дядя Мгер, который, собственно, и не родственник. Он просто работал когда-то с родителями в какой-то районной больнице. Он и сейчас там работает. А папы с мамой нет. Папа умер от инфаркта еще до того, как Армена призвали в армию. Пока он служил, умерла мама. Никто толком не может сказать, от какой болезни она умерла, но случилось это внезапно, говорят, был инсульт. А ведь они оба были врачами, и почти как все врачи бедствовали. Почему так получается,

что врачи и учителя до сих пор являются самыми низкооплачиваемыми специалистами? Денег всегда катастрофически не хватало, и они не жили, а выживали. Дом, в котором прошло детство Армена, это был дом для беженцев – бывшее общежитие какого-то ликвидированного предприятия. Несмотря на то что родители его не были беженцами, но каким-то образом им дали здесь жилье. А дядя Мгер и его семья были беженцами из Карабаха. Они убежали от войны. А вот папе с мамой зачем надо было уезжать из Казахстана? Отца Армена звали Артак, он – армянин. Маму звали Амина, она – казашка. Они познакомились, когда учились в медицинском институте.

Пожились они по большой любви в студенческие годы. Мама приехала в институт из южного казахстанского города, а папа – из северного. Дедушке Армена досталось очень трудное историческое время: Вторая мировая война. Колесо истории безжалостно перемалывало судьбы людей. Родители отца были депортированы в Казахстан из Армении в 1949 году. Они очень мечтали вернуться когда-нибудь на Родину. Видимо, Артаку передалась их неизбежная тоска по Армении, и, несмотря на то что он родился и вырос в Казахстане, для себя он твердо решил, что обязательно вернется на родину предков. Он часто рассказывал Амине, со слов своего дедушки, какая в Армении красивая природа, какой там мягкий климат, зимы почти нет. Хотя Амина сама выросла в городе, где зимы тоже почти нет и урожай овощей и фруктов снимают по несколько раз в год, она тоже уже была готова полюбить Армению.

Армен очень смутно помнит Казахстан, потому что родители уехали оттуда, когда ему было всего три года. В памяти остались пирамидальные тополя, много цветов и упоительный запах алматинского апорта, вкуса которого он уже не помнил. В Армении они оказались никому не нужны. Родственников со стороны отца тут нет, а те, кто, есть, живут в Америке или Франции, и связи с ними по-

теряны. Да и приезд Артака и Амины в Армению совпал с тяжелейшим периодом в жизни страны: разрушительное землетрясение, распад Союза, война, блокада и, как следствие, безработица, отсутствие тепла, воды и света. Практически все детство Армена прошло в холоде, голоде и нищете. Хорошо еще, отцу с матерью удалось устроиться на работу. Была ли эта работа по специальности, Армен сейчас сказать не может. Знает только, что работали они в больнице, а кем – не помнит. Вся жизнь в те годы представляется ему сейчас как в тумане с небольшими проблемами радости. И все-таки это были счастливые годы хотя бы потому, что они были вместе и любили друг друга. Он только сейчас это понял. А теперь у него нет ничего: ни крыши над головой, ни специальности, чтобы найти работу, ни родственников. Молодой, полный сил и энергии, он не может найти себе применения. Как жить дальше?

Время идет, перемен к лучшему нет, работу найти без связей нереально, знакомств и родственников нет. Питается он от случая к случаю, спит где придется, чаще всего в кладовке, где хранятся общежитские инструменты и инвентарь уборщицы. Туда были вынесены остатки вещей родителей, и потому эта кладовка стала временным пристанищем Армена. Зная его историю, обитатели этого общежития всячески стараются его поддержать. Как ни странно, сострадание в такой среде – куда более распространенное понятие, чем среди людей, испорченных состоятельностью и благополучием. Когда богатые делают кому-нибудь добро, это скорее самолюбование, чем сострадание. Да к тому же это же не в ущерб себе, а попробуй-ка ты поделиться последним. Армен понимал, что люди отрывают от себя и от своих детей. Ему было стыдно, что он, молодой и здоровый, оказался в такой ситуации. Его случайных заработков едва хватало на хлеб и чай. А если подходить к еде как к источнику энергии, то этой энергии явно не хватало, чтобы не замерзнуть по ночам в его неотапливаемой каморке.

Однажды дядя Мгер нашел в старых бумагах письмо от родственников из Казахстана, адресованное матери, которое пришло в то время, когда Армен был в армии. По адресу на конверте Армен написал письмо старшему брату матери о том, что родители умерли, и он остался без крова над головой и средств к существованию. Писать было очень трудно: казахский он не знает совсем, русским владеет чуть-чуть, то есть буквы только и знает, а слова и грамматику скорее не знает, чем знает. Но тем не менее написал как мог, дал почитать дяде Мгеру и отправил письмо. С пометкой «адресат выбыл» письмо через месяц вернулось назад. Рухнула последняя надежда, последняя зацепка найти людей, которым он был бы не безразличен. Когда он от холода не мог заснуть в своей каморке рядом с бегающими крысами и протухшими половыми тряпками, он так мечтал о том, что они отзовутся, и только это помогало ему выжить. Он старался представить себе лица своих родственников со стороны матери, и как же ему мечталось, что их будет много, очень много: дяди, тети, двоюродные и троюродные братья и сестры. Как бы он их любил и дорожил бы ими. И ему совсем не надо, чтобы они с ним носились. Ему бы только найти работу и крышу над головой, а там он сам все бы сделал, чтобы быть им нужным и полезным. Чтобы мог он радоваться их радостям (а чем больше родственников – тем больше радостей). Лишь бы знать, что есть на земле люди, в жилах которых течет такая же, как у тебя, кровь. Неужели бывают такие люди, которые не знают цену всему этому?..

Был обычный зимний день. Армен слонялся по городу в поисках хоть какого-нибудь случайного заработка. На нем была куртка, которую купили ему родители еще до армии и которую он берег как мог, потому что все, к чему прикоснулись руки родителей, теперь приобрело очень важный смысл и значение. Каких невероятных усилий стоило Армену выглядеть достойным образом, соблюдать элемен-

тарные правила личной гигиены в его теперешних условиях жизни. При всем при том он был очень красив: эта гордая осанка, доставшаяся ему от отца, эти изогнутые брови, как крылья беркута, и даже эта бледность от полуголодной жизни придавали ему какую-то аристократичность. Но сам он этого не понимал. Он не мог и не хотел смотреть людям в глаза. Ему казалось, что все сразу поймут, в каких условиях он живет и что он постоянно хочет кушать. Только он собирался переходить дорогу, как услышал:

– Армен, подожди.

Первая реакция была: это не его зовут, но на всякий случай остановился. Смотрит, к нему быстрым шагом идет хорошо одетый молодой человек. Армен не сразу узнал в этом симпатичном парне Сурена, сослуживца из Апарана.

– Барев дзез. Вонц ес? Ты чего, Армен, такой измученный? Болеешь, что ли? Рассказывай. Где ты сейчас? Чем занимаешься?

Сурен искренне обнял его за плечи и заглянул в его измученные глаза.

– Воч инч, Сурен, воч инч. А дела мои просто никак, нет у меня работы, нет родителей, нет дома.

Растроганный вниманием, Армен с трудом сдерживал рвущиеся наружу рыдания. Ведь он еще даже смерть матери не смог толком оплакать: не с кем было разделить свое горе. Он вдруг пронзительно понял, что в трудную минуту нужен человек, который прижмет тебя к груди и просто, молча, подбадривая, похлопает тебя по плечу. И даже только от этого простого участия станет легче. Предательский всхлип вырвался-таки из груди Армена.

– Слушай, друг, да ты совсем плох. Пойдем, посидим где-нибудь, расскажешь по порядку.

Они пошли в ближайшее кафе, и впервые за последнее время Армен смог наконец-то выговориться. Он рассказал другу о том, какое для него было потрясение, что мамы уже нет, жить негде, вещи родителей вынесены в кладов-

ку, часть вещей исчезли бесследно. О том, как он с тех пор нелегально живет в нечеловеческих условиях и в то же время даже этому рад. Сурен, как настоящий друг, человек, с которым он делил все тяготы армейской жизни, молча, не перебивая, слушал Армена.

– Самое интересное, Сурен, что я только теперь понимаю, как я был, оказывается, счастлив, когда были живы родители. Счастье, оказывается, не меряется недостатком или недостатком. Счастье – это когда есть на земле люди, для которых ты – это все, весь смысл жизни. Какой это мощный источник силы и энергии, они своей любовью, как генератор, постоянно заряжают тебя. Понятно, что это не может быть вечно. Но как же мало они пожили! Мама даже из армии меня не дождалась, внуков они не увидели. Почему, чтобы осознать это, я должен был потерять их? Если у меня когда-нибудь будут дети, я назову сына и дочь их именами. Больше я ничего не смогу для них сделать.

– Знаешь, я вот слушаю тебя и понимаю: человек, который все это пережил и осознал, не может быть слабым. Ты единственный, кто остался от твоих родителей, и ты обязан жить за троих и быть счастливым, и ты будешь им. Я в это верю.

– Спасибо, брат, за такие слова.

– А ты родственников пробовал искать?

– Пробовал искать маминого брата, но они куда-то переехали, и моя последняя надежда рухнула.

– Нет, не говори так, нельзя терять надежду. На днях мне в руки попала какая-то газета. Там была статья о Казахстане и о работе Посольства Республики Казахстан. Я так понял, в Ереване уже год как открыли Посольство Казахстана. Сходи, может, они помогут или хотя бы что подскажут.

– А ведь это идея! Спасибо тебе, я так рад, что встретил тебя сегодня. Тебя мне судьба послала, я стал такой суеверный.

- О чем ты? Я же ничего не сделал тебе.
- Чтобы понять это, надо быть в моей шкуре.
- Запиши мой телефон. Если что, звони. Вместе будем думать, как дальше жить. Ну, пока...

Встреча с Суреном придала Армену силы и желания бороться за свое место под солнцем и за свою судьбу. На следующий день, собравшись с мыслями, он пошел в Посольство Казахстана. Искать долго не пришлось. На улице Баграмяна он увидел щиток с указателем направления, и через минут двадцать подошел к воротам Посольства. Армен очень волновался: как его примут и примут ли вообще? Но действительность превзошла все его самые радужные мечты. Консул оказался взрослый, даже старше его отца мужчина с внимательным, добрым взглядом и красивым именем – Сакен Нургалиевич, звучание которого что-то напоминало ему из далекого детства:

– Слушаю Вас, молодой человек. Что Вас к нам привело?

От волнения у Армена пересохло во рту, и он не смог издать ни звука. Консул как-то по отечески улыбнувшись, сказал:

– Да не волнуйтесь Вы так. Гаяне, подайте, пожалуйста, молодому человеку водички.

Помощница принесла ему воды и одобряюще улыбнулась. Хорошо, что Армен буквально накануне рассказывал свою историю Сурену. И он, представив, что перед ним сидит его друг, слово в слово повторил свой рассказ, он как будто прочитал его. Это помогло ему успокоиться и перебороть волнение.

Сакен Нургалиевич слушал его, не перебивая. Видно было, что история Армена не оставила его равнодушным. Задав несколько дополнительных вопросов и поняв суть его проблемы, он сказал:

– Вы, наверное, понимаете, что Посольство и Консульство – это не передача «Жди меня». Мы не занимаемся по-

иском пропавших родственников. Но чисто по-человечески я постараюсь вам помочь.

И уже обращаясь к помощнице:

– Гаяне, помогите Армену изложить все это на бумаге. Не забудьте взять его данные: где и как его можно найти.

Тут Армен не выдержал:

– Не надо меня искать, если можно, я сам буду приходить, только скажите когда.

– Ну, в таком случае подойдите дня через два, может, что-то к тому времени и прояснится...

Не откладывая в долгий ящик, Сакен Нургалиевич записал в перекидной календарь, какие с утра надо будет сделать звонки в Казахстан, чтобы сдвинуть с мертвой точки проблему Армена. Чем бы он в этот день ни занимался, перед его глазами стояло тоскливое лицо молодого, но уже уставшего от жизни человека. У него у самого два уже взрослых сына, при этом для него они до сих пор еще сыночки, которых хочется уберечь от проблем, оградить от невзгод. А Армен еще совсем ребенок, но уже успел нахлебаться горя. Нет, ему надо обязательно помочь.

В этот день Сакен Нургалиевич долго не мог уснуть. Почему жизнь так устроена? Почему деду Армена досталась такая судьба: быть депортированным из своей страны, терпеть холод и голод? Сколько разных народов выжило тогда только благодаря гостеприимству и человеколюбию казахского народа. Недаром в своих пожеланиях добра обязательно говорят они это емкое слово «адамгершілік», которое включает в себя так много понятий: гуманизм, человечность, нравственность, умение сопереживать и бескорыстно делать добро. Не потому ли и он сейчас, с детства воспитанный в таких понятиях, не может быть в стороне, не может быть безразличным и пройти мимо этого подранка? Сам же он не считает, что делает что-то особенное. Настолько все просто и естественно, по-другому и быть не может. Весь вечер посвятил он тому, что искал телефоны

своих давних друзей и знакомых. Какая все-таки жена у него молодец, что захватила сюда все старые, потрепанные записные книжки. Последнее, о чем он думал, засыпая, – чтобы этот мальчик нашел наконец-то родственников, от которых так необдуманно оторвались его родители. Вот уж действительно, «в этом качающемся мире слабым нужна опора». История этого мальчика напомнила ему вековые традиции казахского народа: не позволять кому-нибудь из рода или клана бедствовать где-то. Если вдруг доходила весточка о том, что представителю рода где-то плохо, то старейшины быстро снаряжали делегацию, которая должна была вернуть страждущего к родне. Радости или тяготы жизни род должен был переносить вместе. Эта сплоченность позволила казахам выживать в суровых климатических условиях на бескрайних просторах их земли...

Все друзья и приятели Сакена Нургалиевича там, в Казахстане, приняли участие в поисках родственников Армена. Результат не заставил себя долго ждать. Через неделю у консула на руках был телефон и адрес дяди Армена. А Армен за эту неделю дважды приходил в Посольство и, видя, как искренне хочет Сакен Нургалиевич помочь ему, уже не сомневался в том, что скоро, очень скоро состоится его встреча с родственниками.

Когда Сакену Нургалиевичу наконец-то нашли долгожданный номер телефона, он радовался, как ребенок, как будто это он нашел своих родственников. Но в то же время он понимал, что ему предстоит сообщить человеку о смерти сестры и зятя. Позвонив по тому номеру, он представился:

– Вам звонят из Посольства Казахстана.

Официальный тон испугал и смутил дядю Армена. В Ереване у него сестра, которая давно не давала о себе знать. В голове его вихрем пронеслись страшные мысли. Надо быть готовым ко всему, и к самому страшному тоже. Плохая новость не заставила себя долго ждать, но самое

страшное это то, что случилось это не вчера и не сегодня, а уже больше года назад. И узнает он об этом только сейчас, а тогда даже сообщить им было некому. Но нельзя поддаваться эмоциям, человек издалека звонит.

– А что с Арменом? Где он сейчас?

– Вот по этому вопросу я вам и звоню. Он жив-здоров, вернулся из армии. Все дело в том, что сейчас Армен бедствует. Его надо спасать. Он лишился всего: у него нет родителей, нет квартиры, нет работы. Не в традициях нашего народа бросать родственника в беде на чужбине.

– Зря вы нас обижаете. Он для нас частичка нашей сестры, «қарындасымыздың көзі». Очень хорошо, что он с вашей помощью нашел нас. Повезло ему, что он встретил такого хорошего человека, как Вы. Видно, бог дает ему шанс. Когда и как я могу с ним поговорить?

– Мы сегодня сообщим ему, и, я думаю, завтра после обеда, в промежутке между 15.00 и 15.30, Вы будете иметь возможность поговорить с ним.

– Спасибо большое и до свидания.

– До свидания.

...Наконец-то наступил этот день, когда Армен узнал, что его ждут и любят его родственники. У него как будто крылья выросли за спиной, все вдруг стало представляться в другом свете: солнце ярче, деревья выше, воздух чище, люди добрее и улыбчивее. А все потому, что сам он стал какой-то другой, более значимый и более уверенный, за ним теперь вся его большая родня. Сбылась его самая главная мечта, а все остальное он будет добывать своим трудом, тем более что в жилах его течет и отцовская кровь, кровь талантливого и трудолюбивого армянского народа.

Не меньше Армена радовался Сакен Нурғалиевич. Ни с чем не сравнимую радость испытывает человек, когда видит результаты своего труда. Это значит, что и от тебя лично что-то в этом мире зависит. Ты своим желанием, своей волей можешь внести коррективы в окружающий

мир. Если ты занимаешься наукой, то от результатов твоего труда может даже зависеть развитие цивилизации; если ты человек творческого труда, то ты своим творчеством можешь сделать мир красивее и добрее; если ты работник социальной сферы, то ты формируешь личности и тем самым принимаешь участие в судьбах людей; если ты врач, то вообще от твоего умения и участия напрямую зависят жизни людей. Но чтобы влияние каждого из нас на окружающий мир было позитивным, прежде всего, люди должны уметь быть безразличными. Получается, равнодушие и безразличие – это грех. Равнодушные люди привносят в окружающий мир негативное влияние, и в то же время это по-своему несчастные люди, потому что равнодушные люди лишают себя многих радостей, не умея радоваться за других и где-то даже за себя...

Разговор Армена с его дядей состоялся в кабинете Саке-на Нургалиевича. Когда дядя сказал Армену, что деньги на дорогу ему уже отправили на имя и адрес Мгера и что встречать Армена родственники будут в Актау, он вдруг впервые за все это время заплакал навзрыд. Наконец-то он может позволить себе расслабиться и выплакать всю ту боль, которая в нем накопилась и, как заноза, сидела в его сердце. Это были слезы очищения. Как после дождя сияет солнце, так и после этих слез в жизни Армена должна наступить светлая полоса. Впереди у него еще вся жизнь, и он должен осуществить все те мечты, благодаря которым и в ожидании которых он выжил.

Провожали его дядя Мгер и Сурен, заменившие здесь ему родственников и ставшие самыми близкими людьми. Несмотря на то что рейс был ночной, Сакен Нургалиевич вплоть до вылета самолета звонил ему, чтобы убедиться, что все у него нормально. Получив от этих людей свои самые главные жизненные уроки – уроки бескорыстного добра, Армен будет возвращать уже другим окружающим

его людям эту любовь и доброту, потому что в этой жизни ничего не исчезает бесследно.

И кто знает, может быть, еще когда-нибудь вернется он в Армению, но уже окрепший и возмужавший, твердо стоящий на ногах, чтобы осуществить мечты своего деда и отца...

Гульжазира Кенжегазиновна Хаирова

СИНИЕ ОБЛАКА

НОВЕЛЛЫ

Редактор *Е. Шаихова*
Верстка *И. Селивановой*

Подписано в печать 00.03.10.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл. п. л. 7,5 + вклейки.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз.

ТОО ТПО «Жибек жолы».
050000, Алматы, Казыбек би, 50, оф. 55.
тел.: 8 (727) 261-11-09, факс 8 (727) 272-65-01.

Отпечатано в типографии ТОО ТПО «Жибек жолы».
Тел.: 8 (727) 291-93-35